

Галина САЙКО

НЕБО ПРЕСВЕТЛОЕ

Галина САЙКО

НЕБО ПРЕСВЕТЛОЕ

Книга стихотворений

Минск

Сайко Г.

Небо Пресветлое: Кн. стихотворений / Г. Сайко — 160 с.

Галина Ивановна САЙКО родилась в 1939 г. в Челябинске. Окончила среднюю школу № 8 в Могилеве. По окончании Могилевского пединститута им. А.А. Кулешова работала учителем русского языка и литературы.

Печаталась в «Магілёўскай праўдзе», в республиканской газете «Знамя юности», «Настаўніцкай газеце» и коллективных сборниках «Дняпроўскія хвалі», «Приднпровье», «Радуга».

Стихи Г. Сайко благозвучно-проникновенны и притягательны. Эти своеобразные слитки чувств, воплотившиеся в поэтические строки, прежде чем попасть на страницы «Неба пресветлого», долго и терпеливо гранились в чародейственной душе поэтессы.

И вот, дорогой читатель, — книга перед тобой. Читай и будь сопричастен.

Светлой памяти матушки
моей Вишняковой-Кублицкой А.И.
посвящаю эту книгу.

Галина САЙКО:

— Стихи! Первый лепет — лет с десяти. Знаю, когда мама пела (а как пела-то!), я, не успевая запомнить слова, подсочиняла сама. Забавно наблюдать за тем, как это повторяет сейчас моя внучка.

Своим крестным отцом в поэзии считаю Петра Волкодаева. Фамилию этого поэта, прозаика, литконсультанта услышала впервые от Игоря Шкляревского. Помню, как дурашливо хохотнула, не разобрав сразу и подумав, что он сказал: «Волкодав». Как же этот человек позднее по-отечески меня приласкал, воодушевил, побуждая к творчеству. Теперь, когда его уже нет, перечитала все, что он написал. Хороший, настоящий, красивый человек! Книжечка П. Волкодаева «Строители», подписанная мне И. Шкляревским («Галинке — от ученика и младшего товарища автора этой книги с надеждой, что он когда-нибудь подарит ей свою собственную»), хранится у меня, как бы напоминая, что такая же надежда поселилась и в моем сердце. Игоря, теперь уже известного поэта, считаю не только своим братом по праву духовного родства, но и учителем, хотя мы с ним — ровесники, и даже однокурсники. Он был, есть и остается моим творческим стержнем. Это — как бакен, когда в море без весла. В его стихах нахожу защиту от пошлости, ханжества, мещанства, филистерства.

Я убеждена: поэзия имеет божественное начало. Священный трепет этот лелею в сердце и пишу, как пишут летопись, если возможна летопись души.

* * *

Было так красиво:
полная луна,
пелена тумана,
полночь, тишина...
Отмели лимана
принакрыл ледок.
Грустно и чуть странно:
ты — и огонек...
Спичка, догорая,
теплится в руке.
Силуэт неясно
виден вдалеке.
В ночь, в туман,
прощаясь,
ты ушел навек.
Огонек мерцает...
Тает черный снег.

* * *

Я верну себя из осени,
где похрустывают яблоки,
где стерню покрыла изморось,
где солома, как атлас.
Гроздь рябины, как кораллины,
клёны с синими осинами
разноцветные фонарики
зажигали, грея нас.

Мы идем, а солнце плавится
прямо над скирдой соломенной.
Тает розовыми каплями,
тихо в землю уходя.
До сих пор мне вспоминается
грустный скрип калитки сломанной,
домик с косенькими ставнями,
запах близкого дождя.

Я верну тебя из осени!
Хорошо, что в моей памяти
так сияют чисто, солнечно,
словно яблоки, слова!
На небе — лоскутки просини.
Так вот это и останется:
ты стихи читаешь. Молча я
слушаю — и тем жива.

* * *

То, что ты не ответил, —
это тоже ответ!
Ищет во поле ветер
твой затерянный след.

Снег укутал тропинку.
Как ты там, вдалеке?!
Тают слезы-снежинки
у меня на щеке...

* * *

Взвилось небо синим парашютом.
Стропами — весенние лучи.
Прибежать к Днепру в такое утро —
в росных травах ноги промочить.

На луне с разбега покататься.
Окунуться в воду, как в купель...
И такую навсегда остаться —
просто быть счастливой, как теперь!

* * *

Разнолесье, разнотравье,
разноцветье чувств и дум.
От любви ли умираю?
От тоски с ума сойду?

Выйду в поле, к лугу, речке,
схоронюсь в лесу густом...
Мне на тысячи наречий
они шепчут об одном!

Ни к чему мою кручину —
и любовь, и глупый гнев
страсти серая волчица
выкормила по весне.

Все мои мечтанья долго
дождь упрямо заливал,
солнца острые осколки
на пригорке оставлял.

В разнотравье, в разноцветье
упаду, устав душой.
До чего на белом свете
трудно... Горько... Хорошо!

* * *

Покой ночных часов. Освобожденье
от суеты, от дел, от слов пустых.
Спят рядом дети. Кончились хождения.
Последний звук на улице затих.

Рабочему столу, листу бумаги
я кланяюсь привычно, как друзьям.
А дальше? Нет, не обойтись без магии,
без волшебства не обойтись... Нельзя!

* * *

Склонитесь, феи,
над убогим старцем —
верните ему
молодость, азарт.
Пусть сердце просит песни,
тело — танца...
Пусть вечным будет май,
апрель и март!

И будет легкой
дальняя дорога.
Высоким — небо,
радостным — полет...

Я отведу
все беды от порога.
А все хорошее —
само придет!

* * *

Ах, какое утро молодое!
Что ж с того, что осень на дворе?
Жить на этом свете стоит, стоит —
это точно знаешь в сентябре.
Пусть, не как весной, невозмутимы
ели возмужавшие, строги.
Дни за днями так необратимы!
Этим-то они и дороги.
Вот я замороженно у тына
робкой предаю себя мечте:
сделать так, чтоб сердце не остыло, —
послужило б этой красоте!

* * *

Недостаточность сердечная...
Это с каждым может быть.
А случилось — делать нечего,
надо жить, болеть, любить
точно так же, только бережней, —
ко всему подход иной...
Все родней, дороже — веришь ли? —
упоен мечтой одной:
недостаточность сердечную —
на достаточность сменить!

Вот тогда уж точно к Вечности
мы с тобой протянем нить.

* * *

Радость силы духа
ширится во мне.
Даже пар пускает
и взорвется смехом!
Мчусь как бы по полю
вихрем на коне.
Только топот гулкий
да вдогонку — эхо.

Отчего же радость?
Кто мне мог помочь?
Ждите — не дождетесь
на вопрос ответа.
Если очень нужно —
расспросите ночь:
то ее подарок —
золотой сноп света.

Так всегда под утро
мне легко, как встарь.
Я готова встретить
каждого улыбкой.
Будто кто на память
мне зажег фонарь
и раздвинул стены
легким звуком скрипки.

Подходите — каждый
будет исцелен!
Пейте! Мой источник —
нет, не иссякает!
Радость силы духа,
если дух силен, —
он из камня искры
высекает!

* * *

Я, как улитка, домик свой нехитрый
держу на всякий случай при себе.
А вот и рожки-спицы: вяжут свитеры, —
мол, еще живы... И привет судьбе!
Душа моя — то вьется, то петляет,
а то неровный выстрочит пунктир.
Мешать кто будет? Кто сюда заглянет?
Безлюдно на моем земном пути.
Но я иду. Чем круче, чем дремучей,
чем беспросветней этот долгий путь,
я думаю: что выпало — все лучше,
чем быть ничем или хоть чем-нибудь.

* * *

Все онемело, затаилось
и ждет смиренно холодов.
И все, что грезилось, что снилось,
не принесло своих плодов.

Весной влюбленными глазами
ловила блики в лепестках.

Теперь закат полнеба занял,
прилег лисицей на висках.

Все и мгновенно, и безмерно,
тяжеловесно и легко.
И страшно сделать шаг неверный,
тревожно обрести покой.

Зачем я мучаюсь, страдаю?
Оглохнет лес от тишины.
А этот гам и звон недавний
нездешним таинством полны.

СОСНА

Как струночка, стоит себе она.
И год, и два, и три... Все так же будет.
Бессонная, растет — ей не до сна,
не различает праздников и будней.

К ее подножию прилег пушистый мох.
Так царственно, величественно ложе!
Но ни присесть на мягкий бугорок
и ни прилечь она, увы, не может.

Ее кудрявой кроне так легко,
просторно в недоступном поднебесье!
Уйдешь и видишь долго, далеко —
ее одну... Или с тобою вместе!

* * *

Ах, прелесть какая — Царевна-лягушка!
Навыкате глаз — из трухлявого пня,
сучок — малый выступ — подобие ушка.
Прислушавшись, словно глядит на меня.

Ну, что тебе? Квакай, пожалуйста, квакай!
Не время? Проснулась, а тут — холода?
И я не тревожу ни звуком, ни знаком.
Авось повезет — не случится беда.

Лягушка-квакушка, а все же — Царевна!
Вот венчик ее золотится над ней.
Что это со мной? Неужели же ревность?
Иван-то Царевич достался не мне.

Ну — квакай, скачи!.. Ищи, если можешь,
царство свое за три-девять земель.
А здесь — слишком мрачно. Царевне не гоже...
Царевичей мало, да много Емель.

* * *

У фонаря больничного стою.
Блокнот в руке, стыдливо пряча, сжала.
Фигуру одинокую мою
пусть не вспугнет случайно чья-то жалость.

Я не хочу, чтоб кто-то мне сказал:
«Не стоит горевать, не плачь, не надо».
Не плачу я, сухи мои глаза,
а друг — фонарь больничный — близко, рядом.

Вот я и ты... И многие, мы — все,
гонимые, самим себе чужие.
Стоят столбы во всей своей красе,
вовсю сияют лунами, фальшивя.

Взлететь хочу или — уплыть, нырнуть.
Во мраке сгинуть ли в стремление к свету?!
Я не спешу в блокнот свой заглянуть.
Я не ищущу мгновенного ответа.

* * *

Как заморожена, брожу
то в сумерках, то спозаранку.
И в думах тихих нахожу
то трещину, то язву-ранку.

Вот снова ноет и болит
душа моя. Но я не плачу.
И так уж до краев налит
судьбы моей котел горячий.

* * *

Не бойтесь, елки-палки, палки-елки!
Не бойтесь ничего — стоять, стоять!
Вы знаете — остры ваши иголки...
Не так остры?
Уж тут — ни дать, ни взять.
И то подумайте: что ж мы не одолеем?
Пусть ворон каркает. Неправда — улетит.
Придет весна, под солнцем разомлеет.

А нас за слабость сам Господь простит.
Терпите, палки-елки, елки-палки!
И стойте насмерть, стойте до конца.
Ведь на больничном старом катафалке
живых не возят... Лам-ца-дра-ца-ца!

* * *

Я умру в день, когда
взойдет молодая полночь.
В час, когда
стыдливо затеплятся
первые звезды.
И будет так торжественно-тихо
и прекрасно, —
как будто я еще не умерла;
и так же,
как ты меня,
крепко люблю тебя.

* * *

Как хорошо! Под инеем — ресницы.
Глаза полуоткрыты — луч спит...
И снова что-то снится. Снова снится!
А под ногами первый лед хрустит.

* * *

Осень. И капелькой крови — сережки
на бородавчатых ветках горят, как рубины!
Вот бересклет, аскетичный, колючий немножко
спорит с коралловым цветом на гроздьях рябины.

Клены горят фантастическим неповтореньем,
словно сорта георгинов, продуманно строгих.
В кучах листвы шебуршащей запряталось стихотворенье.
Песней несложной, как соль иль как посох в дороге.
Все мимолетно! Лови не лови, а мгновенья
каплями канут! Куда? Как мне это постигнуть?!.
Что же я делаю? Лениость греховна! Сомненья
обуревают. Бессильна. Простите, простите!

* * *

Мои замужние глаза
хоть раз бы подвели меня.
Моя защита и спасенье —
мне надоевшее везенье —
моя надежная броня,
где «против» — нет, а только — «за»!
Уж эти мне, мои глаза!
Я бровью только повела —
глаза запутались в ресницах
и притворились, будто снится
им гладь да тишь, да бирюза.
А сами зорко наблюдают,
чтоб поскорей ушла гроза.
Чуть что — полуприкрыты веки
и не проникнуть никому:
«Нас нет, давно ушли ко дну!»
Ах, люди-люди, человеки!
И ты, наш добрый милый муж,
и не пытайся допытаться.
Мы — откровенные, к тому ж.

Замужние глаза с хитринкой.
Да что с того, к чему их блеск?!
Ручья, болотной ли былинки,
морской волны призывный всплеск, —
все то же, видят все едино,
хоть смех, хоть горькая слеза:
неотврати-непобедимы
мои замужние глаза!

* * *

Хотела б стать я, как светильник,
где тело — свечка, пламя — сердце.
Но освещать не дом свой стильный,
а холст, как скажем, в сказке — дверцу!
Ее никто бы не заметил,
а я — вот на! — чадить не стала
и, как никто на этом свете,
словно от счастья, засияла!
Жаль, ключик золотой не найден,
но что-нибудь придумать можно!
Ведь с золотых приисков прадед,
а злость к «богатеньким» не гложет.
Чему завидовать? Попробуй
и ты, как я, гореть свечой.
Кто ты — не раб? Но и не робот?
Тогда — мечта в ладу с душой.
Еще попробуем — посветим!
А срок придет, что ж — догорим...
Вот на крыло поставим... Детям
ты пламя свечки подарил?

* * *

Рождался внук из страхов и надежд,
глобальных и семейных неурядиц,
из шепотков завистливых невежд,
из незаметно побелевших прядей.

Комочком света, солнца и добра,
энергий сгустком, космоса дыханьем.
И то, что было призрачным вчера, —
уже сегодня утром станет явным.

О, пусть ему откроются пути
земные и небесные! Кто знает?
Божественный звучит в груди мотив,
предчувствие, как молния, пронзает.

Как много боли!.. Я зажгу свечу,
усладой тихой воск на блюде капнет.
Я не молюсь. Торжественно молчу.
А весть, чем долгожданней, тем внезапней.

Все обойдется — милостив Господь!
«Пройдет и это», — мудрые сказали.
Родившись, внук — и кровь моя и плоть —
увидит свет он чистыми глазами.

* * *

Все дышит воздухом горним.
Спокойствие — мудрость души.

И в час полуночный и горький
очнуться от дум не спеши.

Прислушайся лучше — узнаешь:
врачует и стынь и пурга.
Сегодня лишился ты сна лишь,
а в общем-то жизнь дорога!

Под снегом кусты и репейник,
и мягкая зелень-трава.
Умиротворенный, напевный
зов-сон, как в перину провал.

Но дальше — все та же работа
без устали той же души.
Воочию видим мы: вот он,
знак сущего, — вера и жизнь!

* * *

Я понимаю: легче мне вдвойне —
пусть не любил, иль разлюбил, но мне
родной, любимый, самый близкий был
неповторимый свет в твоём окне.

Он так жесток и ярок, этот свет.
И от него пути обратно нет.
Его лучи колючие в глазах, —
быть может, потому лицо в слезах.

Мне голову кропит весенний дождь,
и на моей щеке дробится снег.

Когда огонь в окне погасит ночь,
я сплю — огонь горит во сне.

Я набираю силы. Я расту:
во что бы то ни стало — в высоту!
Я бережно мечту свою храню —
прижаться лбом к холодному окну.

Я знаю, верю — льдинки на стекле
слезами теплыми омоют сердце мне.
И нежность погасит ту злую грусть,
которая в тебе, которой я боюсь.

* * *

Легкая, кажется, лишь подуш —
закружится, зазвенит:
— Мамочка, я на свиданье иду!.. —
и — звезды из-под ресниц.
Теменью улицы заволокло,
веки опущены...

— Значит...

Горе пришло?
— Да нет... Ничего.
Мамочка, я не плачу.

* * *

Ах, как кружит поземка под солнцем,
словно пар от настывшей земли!
А прохожий и встречный смеется —
рад, поди, выкрутасам зимы.

И февраль — то суровый и выюжный,
то — веселый: не месяц, а враль.
Как чадру, с меня сплин мой недужный
осторожно, но дерзко сорвал.
И я тоже хочу рассмеяться —
что́ утраты, что́ горечь и боль!
Хорошо в феврале нарождаться —
символичен и значим пароль.

* * *

Крутая, высокая радуга в небе
и дымно бегущие тучи, как в неге...
Там легкой живою гирляндой играют
беспечные ангелы — жители Рая.
И только один, отделившись, карниз
покинул и падает, падает вниз —
туда, где глухая разверзлась река!
Напрасно моя заслоняет рука:
его не сберечь! Запылали уж крылья!
И вот поглощен он серебряной пылью.
Круги разошлись по воде... Вот и все.
Река свои воды несет и несет.
Но темную реку пройдя и огонь,
покинутость, горе, все ж выплывает он!
Взойдет по ту сторону радуги, рад,
что он полновластен, свободен!
Наград
других он не требовал.

Так бы и я
упала б, сгорела в Огне бытия!

Напрасно желать.

Далеко-далеко
до ангелов мне, хоть живу за рекой.

* * *

Ниточкой простертая душа
в золотую точку обратилась,
этим сгустком звездно засветилась
изнутри, на глубине дрожа...
Что-то зреет под ее лучом,
то, что и названья не имеет.
Я, дремоты превозмочь не смея,
чувствую лишь: затекло плечо.
Это все душа — ее работа:
наконец-то кончилась зима!
Снова нараспашку все ворота.
Все — мое! Готова принимать
и встречать, и угощать, я знаю,
и одаривать... Что ж, это не впервой!
Щурится ослабшими глазами,
все же — быть, как никогда, живой...
Чем же я все это заслужила?
Изболелась я давно душой.
А она, без устали, по жилам
выстучала внятно: «Хо-ро-шо!»
Вот и хорошо, вот славно. Значит —
незачем предчувствовать беду.
Как легко мой день сегодня начат,
так и срок последний проведу.

* * *

Мучительно рождается весна:
из рваных облаков, как из пеленок,
не выпутаться! Строгая сосна
дивуется: смотри, какой ребенок!
То — всхлипы, то вдруг — смех, а то — возня.
То в лужу норовит, то грязью брызжет,
то все вдруг — можно, то отнюдь — нельзя!
То обмирает от избытка жизни.
Но ветер гонит тучи, сушит лужи.
И вот она — горяченькая плоть!
И ей никто, чтобы помочь, не нужен
до зноя летнего, до слякоти, до вплоть
морозов, стужи, лютой февральской.
Она сегодня властвует, вольна
всех одарить и милостью, и лаской...
Покорствуя весне, душа пьяна!

* * *

Доверимся счастливому мгновенью,
притихнув, вслушаемся:
что там, внутри нас?
Что принесли старанья и умения?
Простившись наспех,
мы ушли в запас.
Ни наше мастерство не пригодилось,
ни наш порыв.
Востребованья нет.
Вы, мол, и так, до срока, износились
и на семь наших бед —
один ответ:

«Вы — на заслуженном!»
Да только мне на что он?
Я отдохну, конечно, а пока
плитой гранитной прах не замурован,
неистребима воля и крепка.

* * *

Позолотило дерево дорогу,
последнее с себя бесстрашно сняв,
и стройную, как на пуанте, ногу
в полете вдохновенном приподняв.

Последний пируэт свой завершает,
а дальше, словно лебедя крылом,
нарядной лентой стан свой украшая,
всю медь и золото укроет серебром.

Сугробам невдомек, что было лето,
что клад прижизненно под снегом схоронен...
И дереву не вспомнится об этом
до изумрудных, радостных времен.

* * *

Оттаявшие звезды мне ресницы
позолотили. И хотелось мне
поверить, что вот Это будет сниться
и длиться вечно! Днем, не при луне!
Ведь звезды — они звезды.
Исчезают,
невидимы для тех, кто отстрадал
и потерял надежду!

Мне сказали,
что Он на дне колодца увидал:
сияют звезды! Нет для них причины
остановиться в этом торжестве;
в бескрайних высях, в глубине пучины
являясь знаменьем о Божестве.
И то, что звезды золотят ресницы,
и то, что я их вижу — добрый знак!
На золотой комета колеснице
промчалась, но осталась в моих снах.

* * *

Все. Уходим! И долго за нами
будет виться, прощаясь, река,
утопая в волнистом тумане
цвета снятого молока.

А в лесу — темнота и лиловость.
Только пепельно-розовый блик
меж стволов, словно чья-то неловкость,
словно чей-то сконфуженный лик.

Меж дородными ветками дуба
глянет вечная просинь небес —
и настигнет суровая дума:
«Вот он — доблести ратной — лес!»

И становится чуточку жутко —
на шоссе, на дорогу скорей!
Знать, беспечья нашего сутки
догорели в походном костре.

* * *

В чем же сила и мудрость тогда
и на чем утвердить свою душу?!
Все мечты — шелуха, ерунда:
жизнь реальностью факта задушит,
разметает житейский поток
и воздушные замки, и кущи...
Где тот рай на земле, где исток
вечной радости, к счастью зовущей?

* * *

Так больно, что готова проклинать,
так страшно, что хочу вступить в сражение.
Душа томится. Самовыраженья
ей мало!.. Ей бы все понять!
Познать Вселенную и суть ее законов,
но следовать хотя бы одному.
Любовь и смерть — из этих двух искомых
загадка, недоступная уму.
Мои проклятья кончатся молитвой.
Тревоги — тенью в черной полосе.
Но страхи новые, как мухи, липнут.
Ах! Исккупаться б в утренней росе!..

* * *

Кто знает сердце женское?
Признание
уже слетело — не удержишь — с губ,
но не спеши поверить и вниманья
не обращай, если не вовсе глуп.

Не сразу на любовь твою ответит?
Не удостоит взглядом? Ты не верь!
Прислушайся: ликует майский ветер,
хотя еще не наступил апрель.

Не отшатнись от слов ее суровых,
а что за ними скрытано — пойми!
Да, да! Не веришь?..

Часто и неровно
забилося сердце, полное любви!

* * *

Вот и высохли слезы мои.
Вот и замерли губы в молчанье.
Окружили ненастные дни —
надо мною склонились в печали.

Словно я неживая уже:
без желаний, без мысли, без чувства.
Так на жизненном злом вираже
неуютно, беспомощно, грустно.

* * *

Ты не забыл меня, родной?
Смотри, я снова в том же платье.
Прическу с ветреной волной
осталось чуточку пригладить.
И обязательно глаза
чуть оттенить, подкрасить губы.
И незаметной быть нельзя,
и не хочу казаться грубой.

Вот так! Чтоб только ты взглянул
и, как тогда, хмельной от счастья,
несмело руку протянул,
во всем к моей судьбе причастен.
Глаза закрыть бы от тоски,
но я у зеркала колдую.
Стучит тугая кровь в виски —
в окно разлуки ветер дует.

МОРЕ

1

Море синею грустью с утра
к глыбам каменным исходило.
Властной силой слепая страсть
волны судорогой сводила.

Обесцвеченным, мертвым, слепым
море гордо и строго затихло.
Но у солнца, забрав весь пыл,
луч тревожно и робко вспыхнул.

И спешила на крыльях ночь —
звезды брызнули жемчуга связкой,
чтобы все отодвинулось прочь,
не разрушило эту сказку.

2

Принеси тяжелейшее горе —
плачь навзрыд, надрывая грудь...
Но в бездонном спокойствии моря —
роковая могильная жуть.

Воротись ошалело-счастливый.
Оно в горе и счастье — одно:
величаво, могуче, красиво,
гордой страсти и силы полно.

* * *

Весь мир вмещался
в проем палатки.
И силуэтом на фоне неба
таким огромным, могучим, будто.
Его ваяли.
Весь мир казался.
Он был озвучен
ночным прибоем
чуть-чуть небрежным —
зовущим, властным,
но так по-детски, порой, картавым
и нежным словом
весь мир озвучен.
В объятьях ветра
был каждый мускул
наполнен негой,
желаньем тайным.
И было сладко, до боли сладко,
когда дремучей своей бородкой
ты глаз усталых и губ касался —
то даже жизни не жалко было,
чтоб только таять в твоих объятьях.

* * *

Дубровенка — простой ручеек,
из кринички... Я помню ее!

Как она намывала песок
на пологий свой бережок!

То, о чем лепетала вода,
я запомнила навсегда.
Водоемы теперь и пруды...
Ах, не слишком ли много воды?!

Та криничка приснилась мне вновь —
и сияла мне снова Любовь!
Я, чтоб стать мне достойной, ладонь
охлаждала криничной водой.

Окунала в криничку лицо,
надевала на палец кольцо
и черемуховую фатой
укрывалась, целуясь с тобой.

Я теперь на то место пришла,
но кринички своей не нашла.
Все же чувствую: там она, там!
— Я с тобой! Я тебя не продам!

Да и ты не настолько слаба!
По весне, когда схлынет вода,
то, что прямо из сердца, из недр,
светлой слезкою скатится в Днепр!

* * *

Слепит так Солнце! Но я заглянуть
в его лик ясный все равно пытаюсь.

Какою надо быть, чтоб не сгореть
в огне Небесном, льдинкой не растаять?!
Я благодарна Богу, что могу дышать
и отдавать свое тепло земное,
просить прощения — и все прощать!..
Быть может, это не уйдет со мною?

* * *

Я, как пчела, причастная к страданиям,
судьбе и жизни своего улья.
Дрожу такой же дрожью ожидания:
зальет ли — нет? — луга пророк Илья?

А вдруг завееет, запуржит, завьюжит?
Но даже в этом нет большой беды.
Все перемелется. А если дружно,
то можно жить, не замутив воды.

Все миром, ладом да усердьем истовым —
и будет хлеб, и песня, и вино.
Добра вам, люди, счастья, неба чистого
и мне, как говорится, заодно!

* * *

Ничего. Все обойдется, знаю.
Знаю не сама, а кто-то мне
наяву, в бреду, во время сна ли
это нашептал. А может, нет?

Никакой уверенности — только
с вечера и ночью все трудней
дышится. И лишь к утру, на зорьке,
легче! Наконец-то — легче мне!
И кому до этого какое
дело?.. О себе все, о себе!..
Но от лично моего покоя
счастье не в одной моей судьбе —
в каждой, а в особенности — близкой,
и противоречья в этом нет.
Если Небо наклонилось низко —
значит, ближе Тот и Этот свет.

* * *

Все сосны — стройные стоят.
А эти две — соединились,
и так они перекрестились,
что останавливают взгляд.
И слухом, и душой, и телом
почувствовав на миг родство,
я так хотела б, так хотела
обняться... Нет, не баловство
меня манит к ним. Вон как стонут!
И я заплакала б навзрыд...
В глухом лесу навек утонут
слова и звуки. Путь открыт.
Сюда, отсюда ли, далече
в миры иные улетишь...
От грусти откупиться нечем.
На сердце — тот же мрак да тишь.

* * *

Прошу пристанища
у собственной души.
Там — рай, я верю.
Там — покой, я знаю.
А мне — она:
— Очистись, не греши,
не обольщайся
радужными снами.
Работать надо!
Ясно?
— В чем вопрос?
Работать над собой —
большое дело.
Все правильно.
Но мой духовный рост
так еще мал,
а я уж на пределе.
И все боишься
перейти черту
дозволенного,
но, себя спасая,
я взять хочу
повыше высоту
чуть-чуть! Увы!
Лишь планка
провисает.
Вериги тяжелы,
мала кольчуга,
но чем себя
и как ни защити —
напрасно все...

И даже помощь друга!
В скорбях — самой
придется путь пройти.

* * *

Душа созревает в слезах.
Ей самодовольство и чванство
противны. Отсюда и страх
забвения, непостоянства.
Все мечемся, тело храним —
и холим, и нежим, надеясь,
что жизнь — для него, только с ним...
Пустая, пустая затея.
И только осталось одно:
сберечь бы не тело, а душу.
Спасу или нет — все равно.
Но то, что во мне, не разрушу!

* * *

Если в борьбе интересов и лозунгов
истине гибель грозит, то сам факт
требует жертвы и высшего подвига
правду упрочить как высший догмат!
В роли оратора, автора лживого,
фельетониста, учителя сплошь
слова ли, звуки ли — цвета фальшивого
держится цепко живучая ложь.
Ум отравляет и воздух, и землю,
наши дома, нашу пищу, питье.

Силы небесные горестно внемлют,
но не спешат изменить бытие.
Духом воспрянуть! И этого сброда,
этих зловещих, таинственных чар
мигом не стало б! Идет год за годом...
Чадный и смрадный бушует пожар.

* * *

Дух благотворен и благороден
только до тех пор, пока не предаст
светлую истину! После он вроде
беса, но беса, вселенного в вас.

Там он и зверствует, все ж сохраняя
богоподобье, невинность, как тень.
И год за годом в пространство роняясь,
не успевает очиститься день.

Перед святою иконой иль в поле
небо пресветлое ты попроси,
чтобы на подвиг подвинуло волю!
Сам можешь гибнуть, но Правду спаси!

* * *

Господи! Я быть хочу с тобой!
Кажется, что мне никто не нужен.
Все, кто рядом, мне внушают ужас.
Что от них? То пьянство, то разбой.
Как их вразумить? К Тебе с молитвой
я пришла. Но с недостойных уст

слово не слетает, как прилипло,
и души не чувствую: дом пуст.
Дело все во мне! Наполнюсь силой,
дам толчок уснувшему во мне!
Что ж ты, жизнь, так рано подкосила?
У меня в запасе столько дней!
Разных! Как прожить их, не робея
перед самым главным, черным днем?
Господи! Стою... Пришла к Тебе я.
Нам никто не нужен. Мы — вдвоем.

* * *

Мягко и строго,
скупо и сладостно
каплями света
лились в тишину
звуки той музыки!
Ладаном, ладаном
веяло! Верилось:
снова живу!

Ласково-весело,
самозабвенно
голос звучал.
И сквозь бренность
и прах
узкий мирок
становился Вселенной,
жаркой молитвой
на сжатых губах!

Ликом сияет
лицо просветленное!
Слезы — не в счет:
ликованье во всем!
Вспомнилось:
солнце, жарой утомленное,
и помечталось —
оно и спасет!

* * *

Выйду я в поле, почувствую: вот он,
мир, без которого жить не могу!
Он из надежд моих создан и соткан.
От посторонних его берегу.

Он так душист, так прозрачен и светел.
В нем так привольно, так радостно мне.
Места такого на всем белом свете
нет! Разве только что... Только во сне!

* * *

Убить себя... На Божий суд
явиться в ржавых пятнах крови?..
Безропотно свой крест несу
невестки, матери, свекрови.
О, крыши, окна, этажи —
как будто над землей паренье!
Попробуй это Расскажи
в романе иль стихотворенье.

Не сможешь. Потому, что ты,
как радуги восторг в полнеба, —
непостижимее мечты,
хотя и проще корки хлеба.
Тут жизни, смерти ли отсрочка?
Быть может, это — центросвязь?
Между землей и небом — точка,
звезда, что падает, смеясь!

* * *

Невыносимость бытия!
Хотя подумать:
что такого —
день, ночь, неделя...
Я — как я.
Не первой стужей
мир окован —
ни потрясений,
ничего.
Но зыбкая тревога зреет
не из окна ли моего?
Или в мое окно и двери
вот-вот ворвется
что-то? Нет,
скорее — вырвется,
взорвется.
Пока я мучаюсь,
ответ
уплывшей тучкой
где-то вьется.

* * *

Если заговор знать,
над тобой иметь власть...
Разве я не права?
Знаешь ты те слова!
Ты — сильнее меня.
Ты — в стихии своей.
И боюсь я огня
твоего в суховей.
Но дороже мне всех
наговоров и слов —
твоя жизнь, твой успех.
Мне ж — достаточно снов.

* * *

Однажды обидела бабушку внука —
и сразу все стало и трудно, и скучно.
Обида растет, как в метель — снежный ком.
И вот вырастает над пропастью дом,
в котором тревожно и так неудобно.
Такая нелегкая вышла минута.
И даже прощенья нелепо просить.
Как глупость способна людей подкосить!

* * *

Ночное море пело и плясало,
играло легкой пеной кружевной.
Счастливыми влюбленными глазами
мы любовались морем и луной.

Так жить хотелось, так дышать хотелось,
так верилось, что это — навсегда.
Все злое расколосось, разлетелось.
Утихла боль, развеялась беда.

Да, это наше море, наше небо!
Недаром мы к нему так долго шли!
Дороже золота, необходимей хлеба,
надежнее упругости земли.

Спасибо, море, за приют, за ласку,
за щедрую и добрую ладонь.
Ты нас спасало, разделив по-братски
свое тепло и наш шальной огонь.

И мы, уже другие, с легким сердцем
прощались с морем в этот час ночной.
И не было разлуки, горя, смерти.
А было — море, я и ты со мной!

* * *

Возвращайся в родной Могилев —
возвращайся во что б там ни стало.
Так надолго с тобою расстались
эта липа, рябина да клен.

А еще — эта тихая заводь
на Друти. Сколько зим, сколько лет
пролетело! И все же осталось,
что впечатало в памяти след.

Возвратишься весной — будут льдины
на Днепре, как стальные ладьи.
Город наш без тебя — нелюдимый.
А приедешь — уж он оградит

от безверья, от скуки, от сглаза,
от калечащих душу сует,
от столичных дешевых соблазнов,
от снобизма на старости лет.

Появись! Будь ты нищим иль князем,
прихвати только глаз своих свет.
Раздорожье... А на коновязи —
темно-бурый от времени след.

* * *

Томление духа, томление —
гнетущее душу сомнение.

Комком подступает раскаянье —
одна я в ночи, неприкаянна.

Колени дрожат — опущусь на них.
Минует ведь как-то печаль одних.

И мне бы смириться, покорствовать.
Мешает, но что? Уж не гордость ли?

Скорее — гордыня! Заела уж...
И где тот заступник, великий муж?

Побывать беззащитной и слабою —
ничуть не обидно быть бабою.

Приди, приручи, дай расслабиться.
Быть может, тогда все наладится.

Томление духа, томление —
как злой приговор, как затмение!

* * *

Евдокии ЛОСЬ

Не быть знакомой даже за глаза,
но породниться с ней душа назначила.
Ее стихов хмелинушка-лоза
мой стебелек чуть-чуть переиначила.
Она недолго в счастье прожила.
Окно больницы кожей шагреновой
прикрыло солнце. Тело боль прожгла.
Весна прощалась веткою сиреновой.
Случилось. Не поправишь. Уплыла,
пресветлая, в заоблачные выси.
Ты, как сестра, по духу мне была,
и дух мой от тебя теперь зависим.
Перевожу на русский. Как легко!
Язык послушен. Гибко вьются строки!
Но иногда как напорюсь на кол!
Иль посох?.. На моей-твоей дороге.
Я вновь перемогаю, как и ты.
Всего хватает — хворей, неурядиц...
Устану, осмотрюсь. Вот чей-то тын.

«Дай, отдохну!..» И явится в тетради
ниспосланный тобою вздох души.
Твоей-моей? Я это не постигла.
Все будто слышу голос я: «Пиши...»
Знакомая мне с давних лет пластинка.
И я — пишу, а кажется — пою
с тобою на два голоса, но знаю:
свою, а не чужую чашу пью,
и свой, а не чужой, век доживаю.

* * *

Зимою снега я не допросилась,
не дождалась пахучих диких трав.
Чуть было вознесло, да подкосило!
«Ей стоит!..» — молвил тот, кто вечно прав.

И я роптать не смела, лишь ночами
меня будила странная мечта:
как будто кто-то звездными очами
моей души сияние читал.

Дождем весенним шелестели строки,
с озябших звезд мелодия лилась.
И кто-то слушал, ну а кто-то строгий
зло прошептал: «Потешься себе всласть!»

Вот и рассвет! Прошло очарованье.
В прихожей чьи-то шлепанцы шуршат.
Вспоминанье, как и целованье —
неслышно реет, надо мной дыша.

* * *

Любовь не хороните, но скрывайте —
не признавайтесь никому в любви.
Ничто не вечно на земле, но знайте:
особенно не вечен жар в крови!

Ну что приобретаешь ты, признавшись?
Теряешь больше — дружбы чистый свет.
Любовь, как цепи!.. Цепи — вот что страшно.
От этих пут спасенья в жизни нет!

Но если правда, что любовь — неволя,
безумен, кто принять ее готов.
Я признаюсь сама себе: «Тем боле
не устыдилась бы таких оков!»

* * *

Все льют дожди...
Молчит притихший бор.
Молчу и я,
не жалуясь, не плача.
Но не смотрите
на меня в упор:
я не сержусь,
не вынесу иначе.
Ну, что за хворь такая —
слезы лить
по пустякам
и просто без причины?

Вон та сосна —
тонюсенькая нить,
а держится как
прямо, строго, чинно!
Как будто знает:
выльются дожди,
падут снега,
промчатся злые грозы.
А боль свою
не надо бередить
и непрестанно лить
пустые слезы.
Учусь у сосен:
светлые стволы
привстать на цыпочки
не раз заставят.
За валом вал —
житейские валы.
И надо выше быть:
не то — раздавят!

* * *

Словно полумертвая, бродила
тень моей печали по лесам.
Только боль свою разбередила
да в ветвях запуталась коса.

Но когда укроет белой шалью
поздняя февральская метель,
чтоб проститься со своей печалью,
выберу не самый лучший день.

И свои надежды золотые,
драгоценные мечты, как сор,
как солому, как дрова простые,
на подтопку положу в костер.

Пусть сгорят до тла! Ничуть не жалко.
Прошлое давно забыть пора!
Пепел цвета выпцветшей фиалки
в золотистой пряди от костра.

* * *

Не покривлю душой, ответив, —
хоть бы во сне спроси любой:
— Что держит нас на белом свете?
— Надежда, вера и любовь.

— Из-за чего всю жизнь страдала,
что чаще причиняло боль?
Напрасно возражать не стала:
— Надежда, вера и любовь.

Я людям верить перестала —
от гнева закипала кровь,
когда свергали с пьедестала
надежду, веру и любовь.

Льет слабый свет свечи огарок:
затеplился, погас и вновь
цвет пламени — судьбы подарок...
Надежда, вера и любовь.

* * *

Туман парит над Проней, укрывая
задумчивое зеркало воды.
Здесь жить да жить бы мне, не унывая,
не знать бы горя, не встречать беды!

Осколок солнца, яркий, драгоценный —
костер. А с ним на берегу реки —
и тайнопись огня, и рампа сцены
не далее протянутой руки!

На тон и лад настраивая гуды,
как струны, ветер тронул облака.
Волна неслышно лижет берега,
как жаждою иссушенные губы.

Вот тайны! Смыслы их сокрыты!
Чем обернутся: счастьем иль бедой?
Как плавники большой усталой рыбы,
на миг застыли весла над водой.

Я загляделась в речку, вспоминая
текущее (куда?) житье-бытье,
но рама обозначила резная
таинственное водное литье.

Еще не состоявшийся художник —
меня уже почти нарисовал,
но кисть, с досады иль шутя, сломал,
решив потом дорисовать, как должно!

Но я не вечна, час придет однажды
проститься с солнцем, ветром, синевой.
Как я хочу!.. Не то — я просто жажду
какой ни быть, но быть самой собой!

Как славят Солнце травы и цветы!
И ароматным ветром наполняя,
как паруса, прибрежные кусты,
явилось То, что, как назвать, не знаю.

Я, до колен промокшая в росе,
как и трава, как ствол сосны янтарной,
причастна к этой царственной красе
и до немого стона благодарна!

И славлю солнце, лепеча слова,
стихи слагая, как легли на сердце.
Душа светлей, яснее голова.
Вас будто нет, кюри и мегагерцы!

* * *

На Ивана Купала
рождаются люди.
А случится —
душа отлетает, вздохнув.

На серебряном,
жаром пылающем, блюде
золотым тяжким яблоком
гром громыхнул.

И так долго еще
та гроза громыхала.
И, омытая ливнем,
вздыхала ольха.

А душа, отрешась,
ни во что не вникала
и не ведала боли,
не знала греха.

* * *

Когда я узнаю себя во сне,
с привычками, повадками, со всею
сумятицей души, — понятно мне
то, почему глаза поднять не смею.
Не потому я все в себе таю,
что это непристойно, неприлично.
Просто во мне так много очень личного
и я сама на краешке стою.
Чуть оступилась бы — и в этот миг
со мной сорвался бы ненужный крик.
Не дай-то Бог: еще недоставало,
чтоб кто-нибудь вдруг ринулся за мной.
Бреду своею узенькой тропой —
над ней туман надежным покрывалом.

* * *

Душа моя, как тот неверный муж:
когда и где — не знаю, но в отлучке

творит неведомое... Там ей, видно, лучше.

И мне за то перепадает куш?

Отказываюсь! Но — Ее работа,
что я вдруг с успокоенной душой
осмысливаю, постигаю что-то,
как будто Судный день уже пришел.

Вот сон увидела и —

позабыла.

Лишь помню — крылья за спиной легки.

Подумалось: все было это, было.

Поверилось: живут и старики.

А если так, то я еще успела б
всем страждущим хоть в слове передать...

Не хватит слов —

тогда простым напевом
оттолосить, отплакать, отрыдать.

* * *

Лицо так похоже на пламя свечи,
когда в полумраке засветится.

Ты молча постой — просто стой и молчи...

Прислушайся: времени мельница
бесшумно, но верно свои жернова
ворочает с дивным усердием.

По старой привычке — примусь ревновать,
а ты по привычке — рассердишься.

Какая нелепость. Ворчим все, ворчим.

А Там, интересно, мы встретимся?

Лицо так похоже на пламя свечи,
когда изнутри оно светится.

* * *

И Бог, и Царь, и Воинский начальник.
Чего еще всесильному желать?
Но участь всемогущего печальна:
на нем — тавро, на нем — запрет, печать.

Он — одинок, хотя лишен покоя.
Никем не развлечен, хоть не один.
Извечное тревожит. Что ж такое:
ты надо мной — Бог, Царь и Господин?

А если я традицию нарушу
и во главе поставлю — смею, нет?..
Я отдаю на суд твой Свою душу
тебе — Бог, Царь и Господин — Поэт!

* * *

Отстаю от жизни безнадежно.
Не мое ль существованье вспять
по спирали кружится?
А все же —
знаю: меня будут догонять.
На горизонтали, как ни долго,
пребываю...

После — тишина.
Щепки собирать или осколки
жизни той, что станет не нужна?
Как барон Мюнхгаузен, наверно,
вертикали вряд ли убоюсь.

Как бы ни казалось то прискорбно —
я, на всякий случай, улыбнусь.
Ну, а вот стихи мои — читайте
или не читайте... Все равно —
вон их сколько, новеньких,
на старте!
Я — за них. Я с ними — заодно!

* * *

*Художнику, рисовавшему домик
Н.В. Неврева в Лысковщине.*

Ненастьем загнанный в куртчонку,
в подбитый ветром капюшон,
к перилам прислонясь, картонку,
как бы иконку, держит он.

И долго так, склонясь над нею,
колдует-молится. Вершит
карандашом и акварелью
земную красоту вершин.

Тех лип, что окунулись в омут
бездонных — без границ — небес...
Что знают липы те, что помнят
про дом с хозяином и без?

Художнику открылось это
пусть на мгновенье... Он спешит
запечатлеть мерцанье света
и шелест бронзовых вершин.

* * *

Этот грустный мотив,
долетевший сюда
из неведомых окон,
почти с того света.
Ни его запретить,
ни его оправдать.
Никакого в нем проку,
напрасность совета.
Просто музыкой этой
залит до краев
весь, тобой озираемый,
сумрачный купол.
Есть такая примета:
кричит воронье
— не к добру.
Испугаешься этого —
глупо.
Можно столько услышать!
Ты только впусти
в свою душу
возможности Космоса,
слышишь?
Этот грустный мотив,
этот страстный мотив
уплывает —
взвивается выше
и выше.

* * *

Я выстужена намертво зимой —
колючим ветром, долгим снегопадом...
Мне, как и прежде, ничего не надо.
Но — не как прежде — я спешу домой.

Как в море южное, ныряю в ванну.
И вот — волной прихлынуло к груди
все радостное, все, что впереди...
Все прошлое — растаяло в тумане.

* * *

Воздух умер на время:
ни речки, ни скал,
меж которыми ветер гуляет.
Невесомое бремя:
неба полог упал,
пеленами свивает, люляет.

Не усну! Воспротивлюсь —
то темь или день?
Буду правдою жить неустанно.
Вон — на стенах Путивля
древнейшая тень:
антипод половецкого стана.

С ней слезами зальюсь,
зарыдаю навзрыд,
полечу над Немигой, Каялой.

Силы нет — помолюсь...
Путь тернистый изрыт,
но над ним свет зари алый-алый.

* * *

Слышал? Выйдут на площади,
улицы, на тротуары...
Шоссе перекроют, вокзалы.
Для того и свобода, наверно, дана,
чтобы путь к несвободе нам указала.

* * *

Киселеву Ф.Н.

Вливались шелесты в траву,
сплетались музыка и краски.
О, волшебство не безопасно:
все явное не наяву.
Какой-то сон, какой-то бред.
Лиловое и голубое.
И всплеск листвы, как шум прибоя.
Густой туман? Пушистый плед?
Полуреальность, неправдивость,
полуподобие... И все ж —
мир, кистью созданный, похож
на сотворенье Богом дива.
К окну смущенно жмутся ветви.
Весь в акварели, влажный лист
уступит разве солнцу лишь,
чьи блики светят на мольберте.

* * *

Нет душ родных и родственных — есть схватка
между похожими и не похожими.
Вкус приторно горчащего осадка
слезы предательски-крутой, непрошеной.

И счастье, и любовь — души секреты,
сплошные миражи, а суть лишь в том,
чтоб всю жизнь заплатить за это,
ни капли не оставив на потом.

* * *

Скоро солнце встанет там, за домом, —
цвета взбитых сливок на меду;
и туман, и даже воздух томный,
как сгущенки капли на ветру.
Поскорей — туда, в свою каморку:
там — картон, гуашь и акварель.
Белый лист бумаги. Вот он — мокрый,
чистый и невинный, как апрель.
Нервною рукой мешаю краски
и спешу поймать оттенок тот,
чтобы и земной был, и не райский —
утренней зари небесный тон.

* * *

Из каких глубин убогой жизни
светлых чувств неистовый поток
возникает? Знаю, что до тризны
путь и не велик, и не далек.

Но зато какие здесь пороги,
валуны, преграды, крутизна.
Горький опыт, мудрые уроки
переосмысляет новизна.

Мне б освоить трудное пространство,
вырвать бы из времени себя.
Поостыть от всех душевных распрей
и признать врагов своих, любя.

Я бы так упорно не стремилась —
непосильно, даже страшно. Да,
просто это — миссия. А милость
и к таким нисходит иногда.

* * *

Под горой над болотом стелился туман.
Где найти акварель мне такую,
чтобы не был так явно замечен обман?
Все не то, все не так — паникую.

Вот он, белый и влажный, как бинт на ветру,
распустил свои гибкие плети.
И такая щемящая ласка вокруг —
хоть на раны клади бинты эти.

* * *

Между строчек той обычной книги
есть одна заветная строка.

Как и прочие, она — строга.
Как на схимнице, на ней — вериги.
Но ее таинственную суть
приоткрыла одному тебе я.
Что же делать мне, когда теперь я
прозреваю безотрадный путь?
Может быть, ты прочитал иначе
или я буквально поняла?
Лишь строка меж строчек отняла
половину жизни — вот что значит
в словеса бездумно поиграть,
ничего из них не взяв на веру.
За безверие такая мера:
на своем костре — самой сгорать!

* * *

Лебеди скользили по воде —
два огромных праздничных букета.
Песня лебединая не спета.
И не быть нечаянной беде.

Все так гармонично, так разумно:
и ветла, и берег, и покой.
Почему же мне в висок, как зуммер,
ударяет: «Я уже не твой...»

Ну и ладно... Что я потеряла?
На душе — и облако, и тень...
В поднебесье, будто в нереалье,
растворилась пара лебедей.

* * *

Ты не бойся. Мне тебя любить
не с руки. Давно уж расхотелось
будоражить смолкнувшее тело:
из сердец снежки пора лепить.

Не поверишь, как это легко
стать свободной, — правда, не крылатой:
в этом я как раз не виновата...
Господи, спаси и упокой.

* * *

Кто с хлыстом,
а кто — с Христом.
Славя черта, Бога,
пробивали мы во тьме
к знаниям дорогу.

Кто — вбивал,
а кто — вбирал:
знание — свет и сила.
Край Вселенной,
Ад и Рай —
все душа просила.

Оказалось, за тебя,
сильного и злого,
кто-то ближний,
возлюбя,
тихо молвил слово.

Хоть и кроткая
на вид,
в страсти и борении
капля
Ангельской Любви
принесла Прозрение.

* * *

Очарованный странник, откуда
эта сверхискрыметность души?
Что ни образ, натура, то — чудо!
Что ни рама картины, то — ширь!
Горе, радость, неправда и правда —
всё в людском муравейнике есть.
Разыскать одного хотя б праведника —
для писателя высшая честь.
И пошел, дав обет успокоиться,
коль найдет (небольшое число!)
пусть троих, чтобы граду покоиться
и стоять на века, не на слом.
Те великие мудрые люди
научили б и нынешний день:
суд — есть Совесть, и вечно пребудет,
кто бы тень ни бросал на плетень.

* * *

Лед тихим хрустом
былые чувства
мне возвратил.

Так было пусто,
но как искусно
сон накатил!

В аллее мокрой
все так же волгло
и нет скамьи.
Не золото — охра.
И вся недолга:
мы — две семьи.

Спасаюсь речью,
в которой — перчик:
люблю? Отнюдь!
Но боль прошла.
Разворошило —
и... не свернуть!

* * *

Темень клочьями летит в костер,
а его живительный огонь
языками пламени простерт —
эдакий гривастый рыжий конь.

Вот бы ускакать мне до небес.
Нет, не хватит духа, не смогу.
Я, как одинокий старый бес,
скорчившись, сажу на берегу.

Иль решиться — перейти по льду?
Я сама себе принадлежу...

Не рабыней я к тебе приду —
ты во мне увидишь госпожу!

* * *

Ничто не одиноко и не странно,
не замкнуто в самом себе, как я.
Воссоздается поздно или рано
буквально все. Да и сама земля.

Какою щедростью полна былинка!
Любой цветок спешит лепить плоды.
Природа многоцветна, многолика
и оркестрована на все лады.

* * *

Зеркало жизни моей затуманилось,
все же бесстрашно в него погляжу:
были романы, да все разроманились,
будут ли новые — не расскажу.
Лучики-стрелки у глаз и морщинки,
что тут такого, не в этом беда.
Жаль той разлуки, той росной лоцинки,
где так таинственно дремлет вода.
Были рассветы, а чаще — закаты.
Как там раздольно летала душа!
Нынче — колдобины и перекаты,
вместо косыночки газовой — шаль.
Ею укуталась — в зеркале вижу
облик знакомый и все же — чужой:
полон смятения, хоть неподвижен.

Жизнь ли там?..
Смерть за пролегшей межой?

* * *

Сумрак становится тоньше.
И, как в прореху, — лучи
хлынут. Не меньше, не больше.
Стой, наблюдай и молчи.
Медленно-траурно падал
шар этот, красный вчера.
Нынче — Всевышнему надо? —
он раскален добела.
Сколько ж страстей в нем сгорело?
Топливом — и моя боль?
Все бы стояла, смотрела —
ты же себя не неволь.
Сумраком больше утешен:
ночью положено спать.
Да, мы с тобою все те же —
в думах о вечном опять.

* * *

Ищут корни стезю свою
к доброте, теплоте и свету.
Мрак и холод, и неуют
одолела стихия веток.
И на каждой дрожит листок —
тонок, зелен и ненадежен.
Захлестнет его жизнь-поток,
затеряется... Все же, все же.
Ищут корни во мраке то,

что ветвям не дает покоя, —
зажигают лист за листом,
как лампаду перед иконой.

* * *

Колыбель России — Киев —
разметался по холмам
златоверхими, лихими
(маковка или чалма?)

куполами воссиянный,
как мираж, до сей поры.
Киевляне — россияне?
Где их древние шатры?

Княжий терем — не опора ль
славной Киевской Руси?
Нынче ж на дверях — запоры:
спичек, хлеба не проси!

Друга друг в упор не видит.
Русь — далече, за холмом.
Тень одесская — Овидий —
в изумлении немом.

* * *

Я слишком поздно поняла,
что надо радоваться жизни, —
любой шалун, отпетый шизик
пьет жизни эликсир сполна.

Меня природа наградила
так, ни за что, своим теплом.
Открыты двери — в стены лбом
я тычусь в ярости, не диво?
Остепениться уж пора.
О, сколько б я еще успела,
когда б не требованья тела.
Ведь дух у тела — вечный раб.
Не захмелеть бы. Так пьянит
и эта жизнь, и этот воздух.
По справедливости он роздан.
Видать, Господь нас всех хранит.

* * *

Тени на стене...
Тени на стене
совсем ветхой.
Как на простыне...
Как на простыне
цветов ветки.

Зябкий неуют...
Зябкий неуют.
— Экий зяблик!
Птицы не клюют...
Птицы не клюют
вмерзших яблоч.

Облепило вдруг...
Облепило вдруг
снега маской.

Слезы все сотрут...
Слезы все сотрут
тихой лаской.

* * *

Если вам давно уже не двадцать
и счастливый случай не помог —
трудненько с надеждой расставаться:
чадный вьется над костром дымок.

А вот я — иначе бы взглянула:
вам еще... еще не шестьдесят.
Случай бы я просто обманула...
Ничего, что все дожди косят.

* * *

Ты что же — летать не умеешь?
Зачем же меня научил?
Теперь мне все меньше и меньше
до неба подняться причин.
Ну, ладно. Твоя приземленность
не очень меня тяготит.
Что лучше — небесный? зеленый?..
Любовь цвет любой золотит.

* * *

Дождь зеленый на траву густую
так и сыплет горсти изумрудов.

Не гляди ты на суму пустую,
я еще чуть-чуть с тобой побуду.
Вымокла сума, сломался посох —
мне ни странницей, ни странной быть.
Но придется. Видеть дальше носа
научилась. И пора приплыть
к берегу надежному, крутому.
Там с утеса до звезды рукой
дотянуться ничего не стоит —
звезды сами льются в горсть рекой.
Дождь мой неумный и зеленый,
сколько расплескал вокруг чудес:
вот — кораблик в луже, над ним — клены;
это — как большой дремучий лес;
вот и ты — худой, прямой и черный,
словно дуб, а я на дубе — кот?..
Мне бы только стать еще ученой —
все учусь, учусь... Который год!

* * *

К счастью, молодость проходит.
Не тужи, брат, не тужи.
Во саду ли, в огороде,
у затоптанной межи

сколько было с нею муки
и мороки!.. Не скажи...
Вот у той реки в излучке —
навзничь!.. Замер и лежишь.

Нас вылечивала зрелость,
остужая нашу кровь.

И бродила в ней не смелость,
как мы думали, — Любовь!

* * *

Лес подобен ткацкому станку.
Меж деревьев сную туда — обратно.
Простенькую серую канву
выткала узором благодатным.
Так ли рукотворное шитье
живо, полнозвучно, полнокровно?
Здесь, на полотне, житье-бытье —
не простыми нитями, а кровью.
Слишком яркий притушив огонь
синею горячею слезою,
безмятежный выдохну покой,
вход и выход затеню лозою.
Жизни моей прост автопортрет,
под снегами станет черно-белым.
Не беда. Я этого хотела:
на цветное, пестрое — запрет.
Надо быть канвой кому-то, фоном.
Не от наших ли живых кровей
радужными бликами плафонов
звуки красил в «Болеро» Равель?

* * *

Зеркало мое туманное —
это я сама:
с ворожбою да обманами
стынет в нем зима.

Все метелями засыпано.
Серебристость, блеск.
Стайкой серою, несытою —
воробьиный всплеск.

Тишиной да полушалками
занавешен мир.
И себя совсем не жалко мне,
да и кто мне мил?
Нет друзей и нет свидетелей.
Я себе — сама
образец ли добродетели
или Сатана?

Что ж ты, зеркало, напутало,
исказило лик?
С жестко стянутыми путами
конь горяч да лих.
Я дождусь весну — и в зеркале
все воскреснет вновь.
Станет ясно: не померкла ли,
не остыла ль кровь?

* * *

Побродить по асфальту,
в дым и чад окунуться...
В этих странных гнездовьях
человеческий дух
обитает... О факты,
как о камни, споткнуться:
столько судеб здесь вдовьих,
столько древних старух.

А младенцев — все меньше...
Ну, а как же иначе?
Вздорожание жизни
каждый час, каждый миг.

Ничего не изменишь:
перестроечный значит
этот пик наших «измов»,
этот призрачный мир.
Переход к урбанизму
утверждался не сразу —
поселковая стадия
есть еще до сих пор.
Кризис власти иль кризис
смысла, здравого разума?
Время даром потратила:
кто услышит мой спор?

* * *

Слов на свете много,
да не всем даются.
А не то б — словами
можно захлебнуться.

Говори — услышат.
Напиши — заметят.
Что же еле дышат
и слабы, как дети?

Чтоб созрело Слово —
ох, как надо думать!

Щедрого улова
ждать? А может, плюнуть?

Вот, когда смертельной
жаждой обуянный,
на станке вертельном
мучимы словами.

Не сумев отречься,
сладкой этой мукой
согласитесь вечно
впрок служить кому-то...

Что вам та известность,
гонорар и слава?
Слово добыть вместо
шлака бывшей лавы.

А потом, добывши,
тот алмаз огранить.
Вот тогда задышит
и спасет, и ранит.

Оголенным нервом
вырвется из крова...
Слово было первым
и последним —
Слово!

* * *

Луна, бегущая
в прозрачном облачке,

подол приспущенный
с простой оборочкой.

Босые ноженьки
травы касаются.
Молиться боженьке?
Или покаяться?

Грехи не замолить
без покаяния.
И слезы — самой лить
ей, неприкаянной.

Где одинокому
по миру дольнему
искать? Не около
родного дома ли?

Свое — не нажито.
Чужим — не будешь сыт.
— Луна, куда же ты?
— Родился Месяц — сын.

* * *

Вскипавшее на солнце серебро
глаза слепило, блеском выедало.
И озеро шептало сказку про
хозяина бесценного металла.

А внучка, рассекавшая волну,
со всей беспечностью и бескорыстьем,

кричит мне: — Бабушка, сейчас нырну,
мешают только серебро да брызги.

— Постой, вот я их... Я их прогоню —
пусть станет шелковой волна и мягкой...
Над озером — смех птицы Гамаюн.
На горизонте — трехугольник яхты.

* * *

Над личиком ее замороженно
склонился в час полуночный поэт.
Вы не подумайте... Не то, нет-нет!
Не напрягайтесь, любящие жены.
Не фотография, и даже не...
Да, да — не репродукция. И даже
не профиль Той... Не тень в ночном окне.
А имя ей — не Даша и не Маша.
Она — Мечта и Муза... Не пойму —
откуда эта Божья искра светит,
что никого не надобно ему?
Одна! Единственная во всем свете!
Соперницы не может быть у ней —
и в этом простодушие поэта.
Средь фотографий, профилей, теней
царит Она: сплетенье тьмы и света.

* * *

Разрыв моей души с Небесным духом
на грани невозможных скоростей —
ни слабым зрением, ни острым слухом —
я ощущаю рáспрями страстей.

И чтобы как-нибудь утихомирить
свою строптивость, ветреность и злость,
в слова молитвы я вплетаю: «Мир ведь
мне перестраивать не привелось —

таким, как есть, его и принимаю,
хотя с душой своею не в ладу,
но Господу я благостно внимаю, —
пускай и не своей тропой иду».

* * *

Всякое движение вперед
требует оглядки и острстки,
как и отражение талых вод,
как и сами воды — синей краски.
Все — взаимосвязано. Порыв —
результат, итог долготерпенья.
На костер взойду, тебя прикрыв:
это будет смерть
или Успение?

* * *

Спустилась с неба бездна,
заливая
сплошным потоком
светлый Божий Храм.
Чешуйчатými блестками
взлетая,
по гулкой крыше барабанил град.

Скворцы веселой стайкою промчались —
все-все сулило множество удач.
И я перехитрить судьбу пытаюсь —
за птицами, как будто за лучом,
беспечно, легкокрыло улетаю,
открещиваясь: я тут ни при чем!

* * *

Вечерние тени играли,
творили свои чудеса:
то — адские грохоты ралли,
то — ангельские голоса...
Здесь каждый оттенок — озвучен.
А звук так окрашен, что я,
над словом колдуя и мучась,
строчу, как плохая швея:
то строчка собьется, то нитка
оборвана. Снова — в ушко?..
Нет, не предвидится скидки
за каждый малейший прокол.

* * *

Таинственны туманы над болотами,
страданий непосильный смертный груз.
Забвение шуршащей позолотою
выравнивает грохот, треск и хруст.
Но в неправдоподобной той идиллии
как будто бы все так и быть должно:
под батюшкиными паникадилами —
таинственный туман, болото, дно.

* * *

Как худо, видно, было бы добру,
когда б — не зло, творимое непрошено.
Обид и горя неизбывный круг
и столько же — вокруг тебя хорошего.
И в этой нескончаемой борьбе,
и в этом вечном противостоянии —
я от тебя стремлюсь опять к тебе...
А это — крестный путь и воздаяние.

* * *

В мир приходит заосенье.
Поле спит. Ушли стада.
Телеграммы о спасенье —
в паутинных проводах.
В зазеркалье с остановкой
пульса борется река.
В новой переадресовке
даль воздушна и легка.
Стало призрачно и мрачно.
Улетел тревожный клин.
В темных крепях плотно прячет
плоть сугробов властелин.

* * *

Очарование давалось древним легче.
Их дух не спорил с тем, что хорошо.
А нам себя утешить просто нечем.
Что делать нам с больной своей душой?

Мы, как прикованные цепью к веслам,
без наслаждения теряем дни.

Листком увянувшим сгорают весны.
На многолюдье мы — всегда одни.

Лишь мысли на парящих птиц похожи,
но как мы приземленны — видит Бог.
Начать бы заново, но век весь прожит...
Непогрешимым был лишь первый вздох.

* * *

— Скушай мое яблочко! —

яблонька просила. —

В завязи есть ямочка —

огненная сила.

Солнце там укрылось бы —

вырвалось на волю!

Ветка накренилась —

поклонилась полю.

Семечком просыплется,

никому не нужная?

Жизнь да смерть

зациклятся

на вражду,

на дружбу ли?

Это — искушение?

Надкусив, не выплюну...

За грехов прощение —

все стерплю,

все выполню!

* * *

То, что быть должно,
пусть будет.
Суждено прийти —
придет.
Утром — колокол разбудит.
Мглою полночь упадет.
На траве — морозный иней,
вестник близких холодов.
Мир прозрачен и пустынен —
царство собранных плодов.
Что ж мы, как скупой тот рыцарь,
затаились и молчим?
Все копать бы да рыться —
со своей все каланчи б.
Нет, чтоб взгляд иной на вещи
допустить, хотя б шутя.
Где же старец мудрый, вещей?
Где то чистое дитя?
Будь, что будь, но вот что важно:
без руля и без ветрил
не сломать бы нам однажды
весь размах мятежных крыл.
И поэтому — молитву
неусыпную твори:
ко святому — зло не липнет...
Солнцем истина горит!

* * *

Тогда, мне кажется,
полней луна всходила.

И горы громоздились
ввысь дугой.
Жила во мне тогда
такая сила!
И я была, мне кажется,
другой...
Тогда была пора
случайных встреч,
что весело «романами»
зовутся.
Не завожу, грустя,
о прошлом речь.
Воспоминанья захотят —
вернутся.
И я без слов
здоровуюсь с горой,
которая следов моих
не помнит.
Боль далеко — за той,
другой зарей,
и та же жажда встреч
мне сердце полнит.

ЩАВЛИНКА

Вот и щавлинка.
Вот и кислая.
Я тебе, мой друг,
песню выслала.

Моя щавлинка —
с травостоя.

Моя песенка —
с беспокойя.

Я за щавлинкой
наклоняюсь,
а сорву — полынь...
Ошибаюсь.

И — ни коника,
ни коня в лугах!
Даже солнышко
все — в твоих руках!

* * *

Не стань мне, осыпь, насыпью.
День светлый — вечной тьмой.
Весна, приди — не осенью
с дождем, клюкой, сумой.

Не скорбными печаями
стакан мой наливай.
Жизнь, помани причалами!
А смерть — отча-ли-вай.

— За что, — судьбу вы спросите, —
мне милость ниспошлют?
— За золотые, с проседью,
из чего радость шьют.

Узорами расцвечивать —
как память воскрешать!

Желать мне больше нечего,
как жить — не мне решать.

Себя вручаю высшему,
Всевышнему Суду.
На Божий свет в срок вышли мы...
В свой срок — Туда сойду.

* * *

Вот сказала — и будто легче мне.
А то что ж за душой таить?
Боль взаимных обид — в их перечне,
все не рвется тугая нить.

Может, стало б сложнее, запутанней.
Но зато — очевидней зло.
Я в пуховой платок бы укуталась,
да боюсь — отдает козлом.

Выйду в поле — давно там не было
моих песен, твоих стихов...
Нагляжусь на безгрешное небо я —
с меня снимется сто грехов.

* * *

На аэродром — еще в полсилы.
Из кабины — не хватило сил...
Мама так тогда его просила:
«Возвратись!..»

Мотор заголосил:

«Штурманом отличным
стало меньше...»

Похоронка простонала:
«Ваш...»

Самолет конструкции новейшей
уж освоил новый экипаж.

И войны
четыре страшных года
предстояло маме пережить...
С той поры нелетная погода
продолжалась для нее
всю жизнь.

* * *

И было слово — «Бог»...
Как самый первый вздох.
Как выдох или крик.
Откуда он возник?

До Бога — высоко.
Да Счастья — далеко.
До Слова — нелегки
несмелые шаги.

Там — эхо за рекой.
Тянусь к нему рукой.
Оно ж — кукушкой в свет:
— Ку-ку! — пропал и след.

Неуловимо — что ж,
мир без того хорош.

Но мне покоя нет —
ищу пропавший след.

* * *

Маминого профиля и облика
в небесах ищу — не нахожу...
Надо мною распростерлось облако —
я под ним, как под платком, сижу.

Оренбургской шалью не укутаны
нынче плечи зябкие твои.
Муками да тяжкими покутами
отцвели отмеренные дни.

* * *

Распластает снег свои крылья,
затуманится небосвод.
Как придворная камарилья,
белых призраков хоровод.
Я сама становлюсь незрячей.
Неестественной белизны
мой пуховый платок. Прозрачен
или — призрачен?.. Полосни
острым словом по этой глади,
всполоши эту благодать.
Алый цвет на белом — нагаден:
кровь с морозом — ни взять, ни дать!
Будет больно! Зато проверишь —
горяча ли живая кровь...
По себе меня все ты меришь:
выше нет меры, чем Любовь.

* * *

Они мне снятся, снятся ночью
и светят часто во все дни,
твои задымленные очи —
пустыни черные огни.

Они не красотой былинной
нарушили души покой,
а диковатостью пустынной
и горьковатостью полынной,
и самой доброй добротой.

Я знаю, там, где ты рожден,
подчас воруют у крыльца
у матерей неосторожных
девчат с косою в три венца.

О чудаки, что за напасти —
коня до пены загонять!
Ты поглядел — и в одночасье
я при тебе, при бабьем счастье...
Как не понять?!

РЕЧКА

Тот ручеек из-за запруды
течет по травам и корням.
С печалью шла, а тут — забуду...
Вступлю с ним в суды-пересуды
о том, что мило-любо нам.

Спрошу у речки-быстротечки:
зачем убого так живу?

Кольшет речка, словно свечки,
кувшинок желтые гнездочки
и клонит голову ко сну.

На долю жалуюсь, на лето.
Пью красоту в тиши одна.
Ничьею дружбой не согрета
и уж отпета — недопетой
моя несчастная весна.

Речушка, ты по доброй воле
легко, как в сказке, смой беду!
А я скажу: довольно боли!
И вдаль, пешком, одна по полю
за песней новою пойду.

ДРУГУ

А в Минске — утренник холодный;
не спится мне, как той бабуле...
Я вспоминаю лик твой гордый,
глаза, что в душу заглянули.
Я вспоминаю: «Добрый вечер!»
О да — воспитанно и мудро!..
И я молю о счастье вечном,
когда мне скажешь:

«С добрым утром!»

* * *

Там так волшебны звезды синели.
Тезки-березки за огородам

шептали свое. Журавли звенели,
пробуя силы перед отлетом.
Там была речка для человечка.
Там был народом с чудесной читальней.
Елась душистая перепечка,
отцом принесенная из пекарни!
И вот — теперь я, имея достаток,
тысячи стран и странствий коснувшись,
сердцем скорблю:
мне б — истлевших кладок,
под непролазным аиром уснувших.
Там — обмелевшие перекаты,
остовы старых осин за паромом.
Только, как некогда, аистята
в небе пунктиры пишут неровно.

* * *

На небе серпик — только ворожить,
но не раскрыть мне смысла этой песни...
Пошел-поехал милый мой ровесник,
а я — одна осталась с песней жить.

Нас много рук навеки разлучало.
Нас много губ с ума сводило так,
что сердце заходило — и не в такт,
не в унисон с твоим тогда стучало.

Но чувства наши все же не уснули —
свою любовь и ты оберегал!..
Быть может, серпик тот — на «смерть» свисал,
да мы его — на «жизнь» перевернули.

* * *

Горы горбятся — рвутся, бурые,
ввысь, туда, где живут орлы.
Днем, на солнце, они — понурые,
как некормленные воны.
А растает солнце у кромки,
свой притушит взор огневой,
они — гладкие, как коровки,
что насытились сон-травой.

ПАРТИЗАНКА

На встречу ты издалека летела.
Тебе цветы с поклоном подают...
Ах, как ты раздалась, отяжелела,
тебя друзья почти не узнают.
Муж не пускал тебя на эту встречу —
боялся непредвиденной беды:
а вдруг еще заявится с Заречья
тот самый, что тогда был молодым.
Он будет в полушубке, в портупее,
на шапке — лента красным косяком...
Такой ведь на коне везде успеет,
и неспроста он стал подрывником.
Он так умел ласкать. Умел быть кротким.
Он без тебя горошины не съел...
Случилось — вырвал из тифозной глотки,
шинелью, как птенца, у сердца грел.
Но муж твой понапрасну волновался:
боялся — не воротись домой...
В лесу как раз не весь отряд собрался.

Не весь ли?

Где же?..

Где любимый твой?!.

Суровый обелиск убрался в иней.

Вокруг венки пылают кумачом...

Ее зовут здесь люди героиней,

а партизанка плачет мне в плечо.

РЫБАК

А рыбаки — про рыбу-кит,
про червяка, мормышку,
про удочки и поплавки
и про уху под крышкой.

Они — про зори и восход,
озера, реки, топи...
Хоть брось автобус-тихоход
и своим ходом топай.

Сбежала бы от болтовни,
но вдруг — один смущенно
свой взгляд на мне остановил,
взираясь обреченно.

Мне, как весло, — его рука!
А я ему — добыча?!.
Но — чудо! — нет уж рыбака.
Есть человек. Обычный!

* * *

Покой ночных часов — освобожденье
от дел больших и малых, и пустых.

Уснули страсти, кончились хождения,
последний звук грузовика затих.

Рабочему столу, листу бумаги
я кланяюсь привычно, как друзьям.
Теперь сходитесь феи, нимфы, маги —
без вас мне обойтись, увы, нельзя.

Лети, Амур, стрелою в сердце целясь
тому, кто безнадежно очерствел.
Из-за кулисы выводи на сцену
того, кто в тень упрятаться хотел.

Колдуйте, феи, над убогим старцем —
верните его к жизни молодой,
перекроивши заново на карте
его души характер озорной.

* * *

Не любишь... Что же, разве я прошу
твоей любви? Я милостыню сроду
не принимала. К медному грошу
и к золоту — глуха. Хоть высшей пробы.

Свою любовь я даром отдаю
и ничего не требую в награду...
Я до тебя когда-нибудь дойду,
преодолев все на пути преграды!

* * *

Освобождаю слово из груди,
раскрепощаю, отпускаю птицей.

Как сердцем велено, оно летит...
Пришла пора и нам разъединиться.
Рожденное для света и добра,
любовью окрыленное высокою,
ни пуха тебе, слово, ни пера!
Бери любые трудные высоты.

* * *

Сидела женщина
в углу заплеванном...
— Лет сорок?
— Меньше ей...
— Да, баба клевая!
Пальтишко ветхое,
круги под веками.
Прикрыта веткою
рука с коленками.
Другою держится
за стенку пыльную...
Ты ль, самодержица,
свой трон покинула?
Забыла власть свою.
И силу гордую,
расставшись с ласкою,
питаясь коркою...

* * *

Облака в синем небе —
хоть какая-то весть.
Там никто из нас не был —
все мы, сырые, здесь.

Но совсем позабыли
о сиротстве своем.
Серым облаком пыли
по дорогам бредем.

О себе что поведать
мы друг другу могли б?
Только — беды, все — беды.
Как ни кинь — всюду клин.

Сизым голубем стану,
не затмив белый свет,
и — за лебедей стайей,
как за матерью, — вслед.

* * *

Нас разделяет некое пространство...
Как облако, под ним — его же тень.
А между ними — пестрое убранство
лесов, речушек, нив и деревень.

А тень — то набежит, а то — и схлынет.
Пространство ж не убудет никогда,
и древний запах хлеба и полыни
через него течет века, года.

И это все связать бессильно время.
Непостоянна зыбь крутой волны...
А жизни облака — клубятся, реют,
непостижимой прелести полны.

* * *

Расстелились нынче облака,
перья на все небо распластав.
Под крылом — незримая рука
осеняет таинством креста.

Выше, выше голову, дружок, —
лик свой светлый к небу обрати!
Солнца ослепительный кружок
семь кругов с тобой готов пройти.

Мало не покажется в аду,
но земных детей не запугать!..
Так и я: иду себе, иду —
мне коней не надо запрягать.

* * *

Освещать и освящать —
это ли не Путь?!.
Разучились мы прощать —
тянем как-нибудь.
Пора вспомнить — Судный день
близок. Уж грядет.
Что оставим — свою тень:
на кого падет?
Весь свой мрак вбери в себя,
унеси туда,
где подобием Огня
вожжена Звезда.
Там поладите: кому —
жечь, кому — гореть.

Милость — дерзкому уму
в свой срок постареть.
Основное — это соль, —
выпадет на дно.
Освещать и освящать —
в этом смысл. В одном.

* * *

Словно нотный стан,
сияют в небе
провода, значения полны.
Ноты — птицы..
Вот Туда — и мне бы:
музыкой души
владеть вольны.

Ощущают малое
волненье
ветерка, созревшей в поле
ржи.
Уловив их сладкое
моление,
вместе с ними радость
пережить.

Облака нахмурятся —
и грозы
на поля притихшие
пошлют
лепестками облетевшей розы
капли,
что из сердца
ласку льют.

Всюду
лется музыка
земная.
Отчего же в поднебесье я?
Провода,
как нотный стан,
сияют...
Певчих — много.
Песнь — у соловья.

ДЕЛЬФИНЫ

Пропали и вновь мелькают
каскады нырков по воде.
И чудится, что бельканто
повсюду звучит, везде.

Плетенье бегущих мелодий,
и вдруг — полнотонный аккорд...
Недаром же Монтеверди
искусством своим был горд.

Шорох воды у плеса —
волна накрывает волну.
Горбатенький знак вопроса
гребет по песчаному дну.

* * *

Душа вскипает так внезапно
и, горькой пеною страстей
швыряясь, посылает залпы
в химеры всех и вся мастей.

Страх одиночества, рождая
почти предсмертную тоску,
как матушка, предупреждает:
не трусь, не злись и не рискуй.

Но и тогда, когда остынет
души безудержный порыв,
подумай на досуге: ты ли
людей от бед собой закрыл?

* * *

Из-за нехватки на Земле
пространства мы не исчезаем.
Мы — растворяемся во мгле.
Наш дух и прах неосязаем.

Но мы присутствуем — затем,
чтобы потомок большелобый
над нашей тайной попотел, —
понять попробовал нас чтобы.

Не для себя печемся, нет.
Но так хотелось бы, чтоб счастьем
богаты были внук и дед,
с кем нам уже не повстречаться.

* * *

Черные кони на пляж забрели...
Лабродорит в золотом обрамленье.
Только упрямое тел их стремленье,
шерстки на солнце живой перелив —

напоминает, что камню с металлом,
хоть расшибись, не сравняться вовек
с теплым живым существом, хоть и малым...
Как же бесценен тогда человек!

Если глаза, как топазы мерцают,
жемчугом — зубы, коралловых губ
устье горячее как восклицает:
— Быть совершеннее?
Нет, не могу!

* * *

Алый вздрог бесшумного пожара —
заискрился бисер ледяной.
Капля холодеющего шара
поглощалась кромкой слюдяной.

Все — от осени к зиме — превратно.
Повторенья в сменах все же нет.
К прошлому далекому обратный
в вечности давно затерян след.

Синей толще неба луч горячий
всем своим сегодняшним теплом
животворней. Если бы — иначе,
все давно почило б Вечным сном.

* * *

Мы прошли по этому столетию,
скажете, не замутив воды?

Как шагренё, сжимается наследие,
множатся хранилища беды.
Никакой, поди, реанимацией
не поправить хилых душ и тел.
В экспериментальной информации
множество идей, да мало дел.
Точечных ударов, чтоб натешиться, —
в разных точках, болевых притом,
этого хватает... Руки чешутся!
Что, планета наша уж не Дом?
И не Колыбель? Порог отеческий
уж не греет?.. Где ж ещё нас ждут?
Смрадным листопадом доллар мечется —
на чьи головы грехи падут?

* * *

Колокольный звон
я слышу из тумана —
прохладой утренней он сам
ко мне плывет.
Ему я вторю,
не боясь обмана...
Пусть кто-то
это блажью назовет.
Я этот звук душой
воспринимаю
и впитываю с жадностью
слепца.
Насытившись,
в грехах вселенских каюсь,
в изнеможенье
каюсь без конца.

Мне радостно, утешно:
пир созвучий,
и сердце — камертоном:
динь-дон-динь...
Все то, что меня корчило
и мучило, —
вспружинилось,
как из кувшина — джин.

* * *

В сизых тюльпанах обои,
письменный стол и кровать —
как раз бы хватило обоим...
А лишнее — надо б отдать.

Грех накопительства вяжет
нас по рукам и ногам.
В небе — пух легкий, лебяжий,
манит к иным берегам.

Как ни близки — в одиночку
нам предстоит одолеть
путь, чтоб малиновой точкой
за горизонтом алеть.

* * *

Благое дело — слезы... Наревевшись,
все сызнова в судьбе осознаешь.
А было б легче в ссылке? Скажем, Нерчинск?..
Хотя — нам всем тогда трагически жилось.
Из декабристок я? Нет, из — февральских

житейских неурядиц и помех,
от Ленских рудников, даров уральских...
На веках тает белорусский снег.
А может, это вовсе и не слезы?
А то, что — в голос я, да — нараспев!
Так это — с насыпи да — под колеса
летят березы, в поезд не успев.
Состав пронзает все неутомимо...
И я уже пристанища ищу
у повседневности. А то, что ныло,
самой себе, как оторопь, прощу.

* * *

Даже тайный, казалось, изъян
мы находим в самом совершенстве.
Толку нет: разложи ты пасьянс
иль вслепую на ощупь прошествуй,
но в любой благолепной судьбе,
и в борьбе, и в надрыве истошном —
ни прощенья, ни спуску тебе,
будь ты — вечного света источник.

* * *

Час от часу — не легче.
Век от веку — как знать?
Известно: время лечит.
Как это доказать?

Меня вот излечило.
Вы скажете — вранье?

Навек во мне почило
давнишнее, мое.

Кто знал бы это, если б
не летопись души.
Где плачем, а где песней
горит — не затушить.

Час от часу пусть будет —
чем дальше, тем светлей! —
среди праздников и будней
побольше ясных дней.

* * *

Склонив свои темные лики,
подсолнухи молча стоят.
А солнца закатного блики
на стеклах веранды горят.
Казалось бы — все гармонично,
все благостно в мире сием.
Но темные лики мне лично
бедою грозят на земле.
И, вышелушив подсолнух,
тревогу в душе погася,
лик светлый,
прохладный и сонный,
закату верну:
— Накося!

* * *

Возможность
самой невозможности,

баланс — «за» и «против» — томит.
Я молча, из предосторожности,
миную опаснейший миг.
Не от ничего ли неделанья —
предательски чистый листок
подобием вечного, целого
ныряет в конвейер, в поток.
В молитвенной позе склоненная,
от праха листок отряхну
и, мыслью (своей?!) осененная,
в листок этот душу вдохну.

* * *

Обещанием жизни веку
в ореоле янтарном — Луна.
Все течет, изменяясь. Веха
где исчезла, а где — видна.
Недомыслить, переосмыслить —
это смертных удел, а те,
кто в надзвездной
простерлись выси,
не касаются этих тем.
Вечность, вечное — как проклятье.
Время, временное — укор.
Обновляет Эпоха платье,
обветшавший меняет взор.

* * *

Мне ничего не надо:
одна у меня награда —

это любовь!.. К тебе?
Даже не знаю толком.
Хранит от несчастий только —
любовь. Я и теперь
ею жива... Как светом,
наполнена. Но об этом,
может, не знаешь ты?..
Ярок тоннель мечты.

* * *

Прежнюю свою незагорелость
подставляю солнцу я сама.
Но зачем-то чья-то злая ревность
вновь беснуется, сводя с ума.
Я свои глаза на все закрою:
медленно усладу эту пью.
Улетайте, скорби, рой — за роем:
я — ничья!

Я всё и всех люблю!

* * *

Тихий теплый воздух.
Легкий ветерок.
Мирное сияние луны.
Срок, еще не поздний,
перешел порог
близкого предчувствия весны.

Все почило в чарах
молодого сна...

Вспомнились такие сны:
волны у причала,
чуткая сосна,
блик луча на ставеньках резных.

Как же сердцу любо
разгуляться всласть
по раздолью ласковой страны!
Все пошло на убыль —
не моя то власть:
свет обманный вызревшей луны.

* * *

Красноватый высокий камыш,
неподвижная гладь воды,
полусон, полдневная тишь...
Ни предчувствия,
ни беды,
ничего такого, что вдруг
уничтожило б этот рай.
На семь верст — раздолье вокруг.
С кем аукнуться — выбирай.
Кто тебе ответит — поймешь
и поверишь... От волшебства
не мешало б на случай, все ж —
накрест связанных два шеста
здесь приладить, на берегу.
И уйти, замата след...
Суеверная, берегу
это в памяти много лет.

* * *

Голубым потоком по небу
размывался лунный свет.
Был бы рядом ну хоть кто-нибудь:
нужен был простой совет.
Пятна дымчатого золота
на прозрачных облаках.
Коль доступна смертным зона та —
что ж, мы ходим в дураках,
вечно плачемся да маемся,
все себя не обретем?..
И находим — да теряем все
и не тем идем путем.
От простого — к слишком сложному
попривыкнуть не спешим.
Слом на сломе! А возможен ли
без потерь любой режим?

* * *

Жизнь поклонилась мне,
как злобная соседка.
Я эту жизнь —
как данность приняла.
Достаточно вполне
в окошке света.
Призналась ей:
мол, ты мне впрямь мила.
Вот так и существую.
Ни намеком,
ни взглядом,

ни движением души —
не обзову,
не выскажу упрёка.
Свеча горит,
воск каплет...
Не туши!

* * *

Древний плач монастырей безлюдных
пологом невидимым простерт.
Каждый, в храм входящий, абсолютно
не столь благостен, а сколь востер.
Все-то ему хочется — у Бога
требовать не смеет. Испросить
от корыта, нового порога —
до хором... И чтоб судьбу вершить.
Благосостояние? Неплохо.
Мир вещей? Мне это ни к чему.
Древний плач не слышим, все оглохли —
пир горой, не глядя на чуму.

* * *

Охолонуть бы вас всёх водою.
Жаль — нету живой воды.
Этой весной, такой молодою,
век бы не знать беды.
Вон как распустятся мирт с магнолией!
Переживешь красу?
Не самогон ли в крови?..
Не то ли я чарочкой обнесу.

* * *

Безмерность слова,
безмерность чувства —
уже не ново,
а лишь искусно.

Молюсь:

— Хочу столь
наполнить смыслом:
где было пусто —
узоры выстлать.
От взрыва, взлома —
до вскрытий в венах.
Жизнь — под уклоном,
а смерть — мгновенна.
Так камень в пропасть
летит не медля.
Кто жить торопит —
не черт ли, ведьма?
Душа бессмертна.
Бессмертно Слово!
А я? Наверно,
воскресну снова?
Хочу, чтоб дольше
жил в душах праздник.
И — дел побольше
хороших, разных!

* * *

Слышите,
как рушатся,

крушатся во тьме горы?
Травы шумят,
деревья
неуспокоенно стонут?
Вьется лоза виноградная,
хмелен, горек
кубок, до края наполненный.
Пить не стоит!
Час равноденствия пробил —
и в мире что-то
прочно сместилось.
И — пласт за пластом
в обвале.
Плачет в сиротстве
(о ком?)
телефон сотовый.
Темные платы, лица...
На лицах — маски, вуали.
Остановить бы,
если остановимо!
Восстановить бы,
но это уже обещано.
Все реже и реже
мужчины идут с повинной
ко все прощающей,
все понимающей
женщине.

* * *

Жили гномы под грибами.
Пели дети под зонтами.

Брели слоники... Еще —
все, что хочешь, что-почем.

Все — торгсиновские туфли.
Моссельпромовские вафли.
Сплетни бабки-повитухи.
Бредни парня в шапке ватной.

Это — времени приметы...
Вот и наше время сгибло,
но оставили мы мету:
аэро-электро-гидро...

Хорошо ли это, плохо?
Наследили, напылили.
Тяжко охает эпоха
позывными: или-или...

Возвещает конец света?
Конец тьмы?.. Или — начало?
Я — у края парাপета...
Отплывать мне от причала?

* * *

Загорится закат надо мной
светлой радугой на полнеба.
Что ковчег мне?! Что мне сам Ной?!
Только — гладь воды, только — нега!
На полнеба — закат... И пусть
отражается в ясном лоне.
Из моих разомкнутых уст:

— Слава Господу!.. — песня словно.
Слово легкое, как зола,
вверх вспорхнуло с самого донца,
где в полнеба закат пылал...
Это я подожгла иль солнце?

* * *

Проживая жизнь полной мерою,
не потратив зря а ни дня,
помолюсь за всех, свято веруя:
кто-то молится за меня.

Пташка ранняя чистит перышки —
сам Господь ей дает сполна.
— Дорожить умей каждым зернышком, —
мать напутствовала меня.

Я с наукой той, как к причастию,
приступала к любым делам.
Не успела дожить до счастья:
сколь скопила — все нате вам.

Я с крылатою долей пташечьей,
легковесности убоясь,
переделав, не глядя даже — чьи,
все работы, чтоб не пенять,

чтоб потом на судьбу не жалуясь,
не скулила до смерти вплоть:
дескать, я бы не оплошала бы —
только мне не помог Господь.

Проживая жизнь полной мерою,
не потратив зря а ни дня,
помолюсь за всех, свято веруя:
кто-то молится за меня.

* * *

Н.А. Лескову

Краски, запахи, ажурные соборы,
пестрота базаров, роскошь снеди —
все это мгновенно, емко, споро
воплотилось, нашим став наследием.

Под покровом счастья и свободы
слово вызревало в нужный срок.
Не памфлетами блистал, не одами,
хоть и не давал на них зарок.

В повестях его — многоголосие,
речевой роскошный оборот.
А игры словечком или вовсе нет,
или сплошняком — наоборот.

Это ли не щедрые подарочки,
что живая кисть преподнесла?!
К морю Черному от Белого, как с нарочным,
слово слезкой капало с весла.

Грусть светло питала его память,
обостряла зрение и слух...
Вот такой Лесков! И с ним поставить
рядом не найдется даже двух.

* * *

И с цепями, и с камнями —
чудный памятник!
С фонарями, со скамьями
встреч тех памятных.

Не забуду и вовеки
тихо праздновать
при свече, смеживши веки, —
в годы разные.

День рождения Поэта —
не событие?!
Песня эта, в два куплета,
как наитие.

Я пою ее негромко,
не услышите...
Гладь воды, сырая кромка,
даль колышется.

* * *

Причин разминовений и разлук
немало. Да и кто их сосчитает?
Бессонна ночь, но за окном светает
и где-то там — в росе цветущий луг.
И что мне до того, что мир не тесен?..
На море плача — океаны песен!
Вот разбегусь!.. Ах, жаль что не резва.
Утихомирилась и, кажется, смирилась.

Но там, где звездочка моя искрилась,
сегодня вижу не одну: — Раз, два...
Сияйте, распуская Древо жизни,
не обломайте трепетных лучей!
Мое и вам сиянье из очей
звездой несгорающею брызнет!

* * *

Закат солнца на море —
вот шедевр,
где ничего не убавить
и не прибавить!
Тогда при чем же тут я
со всей сумятицей
своих дум и чувств?
Но, может быть,
хоть цвет моей крови
пригодится для этой алости?
Или цвет моих глаз —
для этой лиловости?
Иначе, как я узнаю,
для чего я родилась?
Хотя — нет, извиняюсь:
это я — о вечном.
В обыденной жизни я — плачу,
если ушибла ногу и каплет кровь;
берегу от слез глаза,
чтобы они не выцвели.
Я так и не узнаю, для чего...
Нужен обязательно Тот,
кто засадит меня

за трудные жизненные уроки
и не спустит глаз,
пока я не выполню все до конца.
Вот оно — счастье!
Да, но ведь счастье — это то,
чего нет...
Закат солнца на море!
Невозможность переплавится
в Это.

* * *

Как негасимая лампадка,
все время около него
она тепло, светло и сладко
мерцала. Что за существо!

Так преданно служить иконе?
Святому лику б так служить
и Господу!.. Она исконно
могла лишь им дышать и жить.

И, устремленные на мужа
два синих озера ее,
давно решили: нам не нужен
никто иной. Мы с ним — вдвоем!

Как научиться мне такому?
Да что уж — все! — пропала жизнь...
И я молюсь перед иконой —
и чувствую посыл: «Держись!»

* * *

Зачем же всеу говорить о вере?
Но верю я в бессмертие души!
И хоть убей меня, хоть задуши
или забудь хотя б по крайней мере;
все ж я — живая, потому — душа.
Она во мне полощется, как море:
то — полыхает мне самой на горе,
то — ускользает (в пятки?). Не дыша,
на цыпочках (не придавить, а можно ль?)
над пропастью пройти — (не разобьюсь?):
не за себя — я за нее боюсь,
и потому так чутко осторожна.
Я всей душой, когда меня не будет,
хочу — смогу! — коль то неистребимо,
остаться непродажной и любимой.
И поддержать того, кто на распутье.

* * *

Какой ты, брат?
Не виделись полвека,
приверженные всяк своей судьбе,
в высоком званье богочеловека
не привелось ни мне и ни тебе
побывать. А, видит Бог, стремились.
О, как нас возносило до небес!
Но, видно, выпала иная милость.
С кем не бывает. Да, попутал бес.
Ну, что мы знаем друг о друге? Только,
что души наши были так близки.

Ты на баяне сердцем вывел польку,
а я — в такт польке — сбила каблуки.
Или еще: как крылья, твои руки!
И я, крылатая, не чую ног.
А в привокзальной вольной той округе
счастливый был лишь нас хранивший Бог.
Мы столько песен вместе перепели,
а сколько сочинили их — не счесть!
Вот телефон звонит: не ты ли?! Пеленг —
расшифровать, понять его, прочесть!

* * *

С тусклым и влажным покровом тумана
слился вдали горизонт.
Осень колдует: кривдой обмана
свой распускает зонт.
Все здесь,
как в были и небыли, сложно:
шелест — опавший лист.
Не до всего дотронуться можно...
Нить паутины, свист —
долгий, протяжный, —
так режут крылья
неба тугую плоть.
Кровь остывает (ужели рыба?) —
выйти, дров наколоть,
плечи расправить
и вдаль — тропинкой —
быстрым шагом уйти!
Эй вы, березы! А вы, рябинки!
Тоже со мной в пути?

Вот и туман рассеялся —
с ним я
издавна не дружу.
Край дорогой — подобием снимка —
в сердце своем ношу.

* * *

Недостижимость из-за скуки бытия —
все это я не раз себе внушала,
но убеждения казалось мало,
и сладко мне от горького питья.

А вот что мне удастся непременно —
позволю себе малость прежних лет:
от маминой угрозы той, ременной,
запрячусь в мной придуманный сонет.

Там поживу, пока уйдет гроза.
Там не нужна ни кровь и ни слеза.
Там — наслаждение и радость жизни.
Там жемчугами смех в ладони брызнет.

...От одури я все-таки очнусь,
но как в нее уйти — я знать хочу!

* * *

И эти впишутся в унылый
от Рюрика идущий ряд...
А «все немило, все постыло» —
поют, как много лет назад.

Я ничего переиначить,
перепостроить не смогу.
Как быть? Смириться? Это значит —
пропасть на этом берегу.

Я лодку оттолкнула смело:
ну, хоть куда-нибудь плыви!
Лицо мое — белее мела,
но сердце — сполохом любви

уже горит, во тьме сияет...
Пусть этот скорбный огонек,
полуисчезнув, воскресает
на счастье правнука намеков.

ЕГО ПОЭЗИЯ

Н. Рубцову

Не ослепляет и не блистает:
она — как живительный свет зари.
Ее, как клином летящую стаю,
сердце благодарит.
Как и во всем, разберусь и в этом —
ставлю себе вопрос:
«Все прояснилось?..» Какое, где там!
Поэзия в полный рост!
Дело не в том только, что однажды
образом — *образцом!* —
стал он (всем тем, кем бы стал не каждый),
поэт Николай Рубцов.
Не хвастаясь чистой своей душою,
клятву давал навек.

Он жил среди нас. Прошагал (ушел ли?)
близкий нам человек.
Хочется память о нем отметить.
Выпить?.. Нет, нынче — пост.
Кликнуть-аукнуться: «Есть на свете
такой — Поэт в полный рост?!..»

* * *

Заросла под зоной Чернобыля
золотистым злаком земля.
Сколько тех, что до срока отбыли?
Съела их, как соцветье тля...
Что?! И кто нам за то ответит?
Полдеревни нашей — Там...
Между изб, зачумленных, — ветер.
Гривой пыли ползет верста,
что ведет в никуда...

— Откуда

навалилась эта напасть?
— Худо, батюшко! Братко, худо —
вон очерилась смерти пасть!..
— Говорят, что найдено средство...
— Да какой там!.. Неужто — есть?!.
Не по нашим деньгам и бедству:
всё — для тех!.. Не про нашу честь.
— Кабы пища была бы чистой...
— Где такие видал харчи?
Оглянись-ка! Поди, не Чистополь,
а Чернобыль... Так что — молчи.
Припорошена пеплом, умылась

то ли — росами, то ль — слезой...
Да слеза отравой скатилась,
ядовитой взошла лозой.
— Ну, а мы-то — как?.. Разве в Книгу
нас запишут — не вам чета!
— Тот, кто держит в кармане фигу,
Красных книг не любит читать.

* * *

Когда уже знаешь о жатве,
все прошлое кровоточит.
Гадать не приходится надвое —
в итоге: то — меч, то — щит.

Но думать об этом итоге, —
чем раньше — тем лучше... Не то —
откроет иные дороги
тот мрачный Никто в Ничто.

* * *

Реки нехитрая излука,
песок прибрежный, ивняки...
Здесь очевиднее разлука
всем обещающим вопреки.

И эту грусть, что серебрится,
над ней — зеленую тоску
мне не избыть, как не избыться
речному вечному песку.

Недолгое, еще продлится
и это лето. А зимой —
родные, близкие мне лица
передо мной,
 во мне,
 со мной!

* * *

Чаша Озера, чаша Неба.
Между ними — Юля и я.
Здесь до нас кто только не был!
Ну, а первым — пророк Илия?..
Вседоступное всепространство.
Всебевре́мье всех времен.
Вот оно — желанное равенство
жизней, судеб, званий, имен!
Не поэтому ль купол синий
обещание подарил?!.
Мой в воде взмах руки несильный
показался подобием крыл.

* * *

Нет правды выше верности —
кем ни был человек:
в космической безмерности
есть отчий кров и хлеб.
И малою кровинкою
горячей плоти вновь,
как из горнила — кринкою
является любовь.

Готовая наполниться
живым потоком чувств.
Желанное — исполнится:
уста коснутся уст!
И в каждом продолжении
моя душа, скорбя,
до немоты, до жжения
прочувствует тебя.

* * *

Как в зазеркалье — самоотраженье...
И я уже не знаю, что есть что:
реки прохладной вечное движенье,
дождь — пылью сквозь густое решето.
И радуги цветное коромысло
роскошно-яркой, сладкой тишиной,
божественное, надо мной повисло —
как смысл Небесной жизни и Земной.

* * *

Если б заговор знать,
над тобой иметь власть...
Разве я не права?
Знаешь ты те слова.

Ты — сильнее меня.
Ты — в стихии своей.
И боюсь я огня
твоего в суховея.

Но дороже мне всех
наговоров и слов —
твоя жизнь, твой успех.
Мне ж — достаточно снов.

Только боль — и во сне...
Что поделать мне с ней?
И пытаюсь опять
без тебя ту боль снять.

* * *

Вот говорят: сошелся клином свет!
Да только толкователи не знают,
что клин тот — всего-навсего твой след:
как слепок, на снегу — нога босая.
Жестокую придумала игру
сама себе... Ты этого не знаешь:
кружится весело гончарный круг —
меня в послушный ком легко сминаешь.
Но тот кирпич, что обожжен в печи, —
кирпич надежный, крепкий, закаленный.
Твой след, как вмятина, красноречив,
мною не испорченный, не искаженный...
Какой в душе моей оставишь след,
таким и быть тебе — хоть сотни лет!

* * *

*Свет и во тьме светит,
И тьма не объемлет его.*

Иоанн

Душа во тьме горела ярко —
сама себе торила путь.

И в мире не было подарка
ее соблазном обмануть.

Боль избалованное тело
Терзала. А душа над ним,
пока совсем не отлетела,
сияющий простерла нимб.

И в этом было что-то свыше —
постичь мне это не дано.
Я помню ощущение крыши,
хотя засасывало дно.

* * *

Мне грустно, а где-то — смеются.
Раздольно так — всласть и вширь!
Нам выпало разминуться...
Что ж на людей грешить?

Окно конопачу ватой.
Сама, поди, виновата...
Бродит скитальцем эхо,
чьему-то веселью помеха.

* * *

Валуны там и тут на зеленой траве —
притомились от сытости овцы...
И рождается образ в моей голове
миротворца великого — солнца.

Все под ним мы — рентгеновским снимком слепым,
негативом неброским, неясным.
Соль земли? Может, хлеб? Может, прах или пыль?
Не уродливы. Не прекрасны.

Все творенья свои животворный мираж
одинаково нежит и губит.
Я под зонтик упрячу свой новый пейзаж:
краски блекнут, как с возрастом губы.

И останется солнце в зеленой траве —
словно серые комья, те овцы.
В побелевшей от зноя моей голове —
блик луны, серебра волоконце.

АИСТ

Аист крылья свои опалил.
Не сумел улететь со стайей.
Одинокый, в лугах бродил —
грусть крестами в снегу расставил.

Нелегко выбирать друзей —
наугад он прибил к людям.
В жизни горе и радость — всем
щедро сыплется в чаши судеб.

И ему привалило: жилье,
ласка, добрый уход и пища...
Для него — о тяжком, своем
забывали, а это — чище,

чем фиалки утром в росе!
Набирается силы аист.
Понимать начинает тех,
кто живет, всему улыбаясь.

С той поры, обгоняя лед
на упругих и быстрых реках,
он спешит, чтоб его прилет
оградил от бед человека!

* * *

Как на тихих медленных качелях —
робкий ропот собственной души...
Рассудить кому-то: «Он — никчемный...
Затаись, молчи и не дыши!»
Но прислушайся — она трепещет
крыльями желаний и страстей.
Что ей сон мой беспокойный, вещий,
что ей век проблем и скоростей!..
Капельки дождя, забытый запах.
Кружево черемух над рекой.
Мое сердце в хрупких ее латах
ищет свой утраченный покой.
Я позволила себе наивность:
ропот, хоть на время, заглушить.
И слеза горячая, как милость,
выплыла, обиды сокрушив!

* * *

Не догнать черепахе Ахилла.
Не постичь сердце трезвым умом.

Колесо равновесий — машина
крупных истин на мелкий помол.

Неизящное это сравненье
все же мне помогло одолеть
мысль о сердце — расхожее мнение...
Ему — думать, решать и болеть.

Ну, а ум, что уютно свернувшись
в закоулках-изгибах души,
затаился. И крикну я: «Ну же!
Что хитришь? Ты там жив
иль не жив?!..»

По привычке, как сердце подскажет, —
а оно, знамо дело, — вещун! —
я живу, не препятствуя даже
ничему... Невзирая на ум.

* * *

Дорога — воплощение надежности
и доброго хорошего пути.
Дорога — это временные сложности,
проверка силы: сможешь ли пройти?
По ней тащились всадники и пешие:
настилы, сваи, хрупкий ледостав...
В дороге прочность твою вряд ли взвешивал
и тот, кто впереди, и кто отстал.
И мне известно: да, плохи дороги,
морщинами дорог больна земля...
Но как всегда «Ямщик, тихонько трогай...» —
поем душевно, словно бы молясь.

* * *

Как упрямая кровь, что по жилам стремится,
как ночная зарница, — всему вопреки
прилетела письмом, окольцованной птицей,
через холод и град, и четыре реки.
Ни тугие порывы морозного ветра,
ни хмельная гроза, ни раскатистый гром
твоего долгожданного, знаю, привета
не удержат, как сказочной птицы перо.

* * *

Рассмеялось эхо
громко над рекой...
Брызнула черемуха
теплым молоком.
Обронила капельки
белых лепестков —
как ненужной накипи
отшумевших снов.

* * *

Никак не выйти из оцепененья.
Не смыть вины, не обойти беды.
А прежние напасти и сомненья
сошлись, как звери в жажду у воды.
И я — над пропастью. И надобна решимость.
Мост очень хрупкий из пустых надежд.
Но всю меня, как очередь, прошила
необходимость!.. Где ты, воля, где ж?

И все же я себя преодолею —
омоюсь свежей ключевой водой!
А то, что мучаюсь и чем болею,
позарастет быльем и лебедой!

* * *

Все только — о своем, о наболевшем.
А нужно бы — давно не о земном.
Но, видно, черт попутал или леший,
и не дает полузабыться сном.
Неужто и тогда, перед потопом,
такой же был безжалостный отбор?..
Песка горячего коснулись стопы.
Как белый флаг — на голове убор.

* * *

Среди березок — эта всех красивей,
нежней, стройнее... Да и сверх того:
особая дана природой сила —
не ощущать величья своего.

За то, что на ней первые сережки,
за то, что ветви глядят облака,
как в храме, истово, не понарошку,
в знаменье крестном поднялась рука.

И прежде, чем сама перекрестилась, —
благословила поле, лес и луг.
Слезу смахнув, на страх и риск — простила
самой себе за ослабевший дух.

* * *

Было так
обманно:
полная луна,
пелена тумана...
Полночь. Тишина.

Отмели лимана
принакрыл ледок.
Грустно и чуть
странно:
Ты — и огонек.
Спичка,
догорая,
теплится в руке.
Силуэт неясно
виден вдалеке.
В ночь — в туман,
прощаясь,
Ты ушел навек...
Огонек мерцает,
тает черный снег.

* * *

Как теплое парное молоко,
туман плывет, припав к земле, разнежась.
А солнце над проснувшейся рекой
еще щадит живительную свежесть.
Мне так отрадна эта тишина!
И одиночество, как никогда, желанно!

А светлая печаль ночного сна
взмахнула плавно аиста крылами.

* * *

Ну и погодка — стынь и слякоть!
На трассе жду и час, и два.
Водищи столько — впору плакать.
Не плачу, но держусь едва.

Кичливо частник пронесется.
Автобус — кузовом скребнет
и виновато покачнется:
мол, я не против, а — народ...

Но вот какой-то пятитонный
устало дверцу отворил.
И в непривычном, бравом тоне
шофер со мной заговорил.

Его радушие, сердечность,
простой, про жизнь свою рассказ,
напевность белорусской речи —
все искренне, не напоказ!

Я о дожде совсем забыла —
как сплыли непогодь и мрак.
А с ними — все, что прежде было,
что в жизни как-то шло не так.

* * *

Пусть ящики почтовые пустуют.
Пусть телефоны мудрые молчат.

Отогреваю в сердце мысль простую:
все с белого листа опять начать.

В работу, как в спасенье, окунуться,
с веселой детворой уйти в поход!
А к прежней боли если и вернуться,
то в високосный, не иначе, год.

* * *

О городе моем — пока ни слова.
И разве мне суметь найти слова,
чтобы воспеть заулки Могилева,
где жесткий дерн и блеклая трава?

Где распластались улицы, проспекты,
сквозь дым и чад за город уходя?...
Индустриальные во всем приметы
через бинокли-трубы вдаль глядят.

Где б размахнуться, где б себя упрочить,
какой еще втереть микрорайон?!
Как зыбок, призрачен и непорочен
доверчивой природы хрупкий сон.

Я в Могилеве выросла — и знаю,
что в белых рощах будут соловьи
петь, вопреки всему, победно в мае...
И что им мысли горькие мои?!.

* * *

Быть современной — это что такое?
Слыть деловую — что за суета?!

Вскипает день! И лишь ночным покоем
вся накипь, до прозрачности, снята.

В раздумье, поднимаясь утром ранним,
в который раз к тому же прихожу:
подскажет сердце, знаю я заранее!
И вещим этим знаньем дорожу.

Мне — сигарету?.. Уберите лаки,
помады и наряды, и рубли!
Быть современной — вечно быть в атаке
за имя скромное, которым нарекли!

* * *

Я с телефона не сводила глаз:
он должен зазвенеть... Сейчас, сейчас!
Диск кружится, под пальцами журча,
а трубка — будто гиря у плеча.
Гудок короткий — словно жар в лицо!
— Алло, я слушаю!.. — замкнулось вдруг кольцо.
— Ты слышишь, милый?
— Слышу... Повтори!..
Всегда мне это слово говори!

* * *

Чуждые берегам,
в эту промозглую рань
волны прильнут к ногам
грудью серебра.

Скоро уйдет туман.
Алый кинжал зари

вспорет ночной обман.
Что же ты? Посмотри!

Озера волшебство
словно стряхнуло гнет
Это ль не баловство?
Вот, гляди, подмигнет!

Вспыхнет, набравшись сил,
стремительно, как пожар...
Теперь — проси, не проси —
на всем позолоты жар.

* * *

Молодая рожь цвела на взгорках.
А за рожью — темные леса.
Было мне ни сладко и ни горько,
на ресницах не слеза — роса.
Серая деревня — вдоль лощины.
Желтые березы — стройно, в ряд.
На плетень облокотясь, мужчины
о земном и бренном говорят.
По-вечернему склонялось солнце,
догорало в окнах крайних хат...
Чай в стакане — словно мед на донце,
как начало древнего стиха.

* * *

О, непреложность
истины!

Со смертью
соприкасаешься,
ее познав.
Спасительнее — ложь,
и вы не верьте
мгновеньям озаренья.
Верьте снам!

* * *

За мелодией Глюка вдогонку
полетела шальная душа.
Флейта. Звук ее мягкий и тонкий
шелестит, облаками шурша.
И уносится за поднебесье.
Ну — окончится? Падать куда?
Эвридика!.. От призрачной песни
не останется в небе следа.

Но со мною та песнь, изнывая
и тоскуя кукушкой лесной,
будет, всхлипывая, зазывая,
жить особенной жизнью, земной.

* * *

Любая ветка с пушистым грузом
на темном фоне белела так,
как будто сам себе не в обузу;
луна — не плошка, не четвертак.
И эта тишь с еле внятным страхом —
вот-вот прервется, исчезнет все.

Нелепы злоба, тем боле — драка.
Беда случится — всех унесет.
Ты был талантлив, а ты — усерден.
Тот вон — удачлив. А этот — сир.
На водной хляби, в небесной тверди
нежнейшим пухом земли — несись
сквозь эти ветви, сквозь мрак и звезды,
врага усмешкой пренебреги...
Что бездорожье, что перекрестки?
Судьбы решениям — мчись вопреки.
Душа живая, устав трудиться,
от мракобесья передохнет.
Как тихо!.. Кто-то сейчас родится
и полной грудью весь мир вдохнет.

* * *

В пыльной полыни —
полынная пыль.
В душной теплыни —
и сказка, и быть.

Все перепутано,
тесно сплелось.
Дымкой окутано...
В дым — на авось?

Будет — не сбудется?
Шелест ромашек.
Избушка рушится,
дверь — нараспашку.

Дали неведомой
не убоюсь.
Грозами, ветрами
вдосталь упьюсь.

МОЕМУ УЧИТЕЛЮ

Поэзия — это львица с гривой.

И. Шкляревский

Взвился синий купол до небес.
Свет-светлынь от края и до края!
В звании поэта или без,
пригублю тайком дыханье рая.
Львица с гривой — это про меня?
Нет, не про меня — про львицу с гривой.
От ее Небесного Огня
приукрашена и я, без грима.
Как на снимке, я отдалена
от самой себя, когда читаю:
книжечка стихов *отдельная*.
Экземпляров сколько — не считаю.
Кто он, мой читатель?..

Пусть — один.

Я его уже молю: простит пусть.
Надо мной он — царь и господин,
и обратной связи допустимость.
И не убоится он суда
моего над ним... Коль не осилит
глубину души постичь и даль
нервного пространства —
купол синий.

* * *

Что ты, сердце,
расходилось?
Не унять.
Эту бешеную силу
как назвать?

Сила страсти —
это слабость?
Не скажи.
Сильной разумом
могла быть, —
поддержи.

Постарела
от несчастий...
Зареветь?
Слезы не прибавят
счастья...
Мне запеть?

Уж дала бы
сердцу волю —
что мне в ней?
Ни — мороки
и ни — боли...
Ветошь дней.

Вот возьму
и не послушаюсь
его!

Сердце замерло,
притихло:
кто — кого!..

* * *

Все то, что мне казалось солнцем, — было
замысловатым таинством луны.
Я, в отражении ее, забыла
поля, луга, в сиянье синем льны.

Ты мне был — словно яркий свет в окошке.
Прекрасно, несравнимое ни с чем
твое лицо... И ладан в синей плошке
дает питање фитильку — зачем?

Сияние вокруг все озарило —
подобие небесного огня!
Как в озере вода, душа остыла.
Молчит, воспоминания гоня.

* * *

Мир захвачен мелкими людьми.
Погибает именно от них.
Тут, казалось бы, решишь: возьми —
вытряхни их вон за воротник.

Силы в них, как видно, никакой.
Но они — не силою берут.
Канут в Лету... Этою рекой
все случайное года сотрут.

Что же остается на века?
Главное — хотя б не измельчать.
Время всем задуматься, пока
предаются «мелкие» речам.

Мелкими людьми захвачен мир.
Я невольно содрогнулась вновь:
лидеры — где ж гений, где кумир?
По тусовкам мечется Любовь.

* * *

В. В.

— Ах, какая же ты, какая!
И откуда ж такая ты? —
говорил, как бы упрекая,
паренек из моей мечты.

Он один решился (из многих),
удивляясь, не веря мне,
поманить за собой в дорогу,
в необъявленной жить войне.

Я, не веря ему, согласилась
навсегда потерять покой.
И чуть что — ревновала, злилась:
— И откуда же ты такой?!

Вот уж век доживаем вместе —
я во всем ему потакаю...
Он — восторженно, как невесте:
— И откуда же ты такая?!

* * *

В березовой рощице, голой и мокрой,
в проплешинах снега дремала весна.
И длинных сережек веселая охра
еще не очнулась от зимнего сна.

Ни жалобы и ни предсмертного стога.
И ни ликования... Все — в тишине.
Мелодия жизни, как звук камертона,
в березовой роще пригрезилась мне.

* * *

Ночь была тиха и ласкова.
По лощинам плыл туман.
То ли воздух цвета майского,
то ли демон нес обман?

Я, обманом заворожена,
и дышу, и... не дышу.
Кем перчатка эта брошена
на тернистую межу?

Подниму — и вызов гневною
силой страсти сокрушит.
Пройду мимо — белопенная
вслед за мной волна шуршит.

Так ли, этак ли... Но гибельна
жизнь земная. Что мне в том?
Вновь рассвет полоской кипельной
просочится в спящий дом.

Заиграет всеми красками
стол сосновый у окна...
И подумаю: напрасно я
здесь кручинилась одна.

* * *

Без любви не начнется весна.
Без весны не бывает любви.
Тают легкие призраки сна —
не удержишь, лови не лови...
Я другое задумала — вот:
пусть кому-нибудь, даже не мне,
улыбнется весной небосвод,
как в младенческом радужном сне!

* * *

Стонет ветер!.. Ах, этот стон —
колокольный, могильный звон!
Провозвестник чего, зачем?
Чьей-то мести разбитый челн.
Поутихло бы!.. Не дожидаться.
Да и так ли уж кто-то ждал?
А красоткам бы все кататься —
может, им ты себя отдал?

Далека от меня пучина
и тот ветер мне — не родня.
Почему же томит кручина —
не уснуть, не зажечь огня?

Усмирила море ладонью,
акварелью на серость — синь:
— Дон-Жуан, поберег бы донью!
В парусах истлел парусин.

* * *

На то оно и сердце,
чтоб — сердиться?
На то она душа,
что б усмирять?
На жизненном пути
все пригодится:
жить — на земле,
страдать — не умирать.

Но, выстрадав,
получим отпущенье
возможных и ошибок,
и грехов...
Поэзия —
земной души движенье,
освобожденье
от земных оков.

* * *

Если бы не птицы,
тяжело и лениво
перебирающие крыльями
в этом сером месиве,
которое было небом,
подумалось бы,

что его вовсе нет.
Но они летают!
А это всего лишь — птицы.
А душа?
Она так же крылата.
И ей хочется петь,
несмотря на слякоть,
вьюги, штормы,
штили, дожди.
И она поет... вопреки...
Но о чем?

* * *

Хранить сознание о былом,
самой себе не прекословить —
вот оно, главное условие,
чтоб дух не обратился в ком.

Сопротивлением души
все выпрямляется неровное.
И стойкость жертвы, безгреховная, —
кто прав, а кто не прав, решит.

Все упорядочится... Верю я,
постигнув слов исконный смысл:
облагороженная мысль —
всему на свете станет мерою.

* * *

А было так заманчиво
глядеть в твои глаза!

Знать, было так назначено:
закат, гроза, слеза.
Осенняя черемуха,
твой сладко-терпкий вкус...
Сел отдыхать орел-лихач
на придорожный куст.
Ах, как было заманчиво
смотреть в твои глаза.
Зачем же так назначено:
закат, гроза, слеза?
Осенняя черемуха,
ты ль виновата в том,
что гром вдали прогремыхал
ударом сердцу в тон?
Зачем же так заманчивы
глаза? В них цвел обман...
Под цвет черемух начат был
черемушный роман.

* * *

Уединение — вот слово!
Взамен тревоги и тоски
я наслаждаюсь жизнью снова,
в венок вплетая колоски.

Величественно и неспешно —
я взором поглощаю все:
те ели, сосны, что, как вежи,
хранят покой окрестных сел.

Мне внятн их негромкий ропот.
Соприкасаясь с ним душой,

осознаю: сельчанин — робот...
Но *Робот* с буковки большой!

* * *

На полурассвете застрявший день,
узенький, серый, плоский,
мне обещал одну канитель
да радости малый лоскут.
Пусть хоть такой, без него нельзя,
иначе бы — что за жизнь?
В перчатке мизинец совсем озяб.
Сняла. За своих держись!
Тепло теперь, радостно?.. Так и я!
Что мне рассвета полоска?
Небушко светлое — польня.
Солнышко — рыбки плескот.
Нет же! Да нет!.. Да нет же, нет!
Все, чем душа владеет,
во веки на то не найдет ответ
бренное мое тело.

* * *

Я с вами расстаюсь, ученики.
Уже не только «двоек» не поставлю,
но в накрепко заdraенную ставню
не достучатся ваши дневники.
Тетрадки ваши с почерком неровным,
как резвые цыплята, убегут,
но от ошибок в них уберегут
те импульсы от нашей связи кровной.

И долго еще с вашего пути
я не сойду, лыжню лишь уступая.
Я, как сомнамбула, — прозревшая, слепая? —
должна хоть вслед за кем-нибудь идти.
Не потому, что это нужно мне
или, вернее, мне необходимо.
Я замкнута, порою нелюдима,
но что в учениках — мое: во мне!
Во внеобъятный мир — сердцебиенье, —
волненье, сила воли — все, на что
мое самосожжение ушло,
сопровождаемое песнопеньем.
О чем жалею? Право, ни о чем!
Не так строга была, как бы хотелось.
Но вы мою простите мягкотелость —
жизнь вам сама подскажет, что почем.

* * *

Любовь, как молния.
На полюсе одном —
непримиримый
острый минус.
— Любовь, — я молвила,
забывшись сном.
Но жизни вихрь
меня просто
вынес
в бушующие волны
бытия.
Верчусь, кручусь
и — не сопротивляюсь.

Тот — воспарил.
Тот — вспыхнул.
Так и я, наверное,
подобно им
цепляюсь.
Подобно им?
Не то, не то...
Себе я отвела
укромное местечко.
Топчан, чтоб выспаться.
Рабочий стол...
Теперь
во власти я того,
что быстротечно.

ЯБЛОНЯ

Стояла, вся усыпанная белым,
роскошным цветом с головы до пят.
Теперь я вспоминаю то и дело
ту яблоню и тот больничный сад.

Тогда вершилось страшное: как будто
кругом — весна! Но это ли не факт:
подснежники вокруг и незабудки,
а в морг — за катафалком катафалк.

Неудивительно, ведь сад — больничный.
Весеннего цветения шафран
был так нескромен, даже неприличен
в краю болезней, смерти, старых ран.

Не властна жизнь над смертью, показалось.
Но почему опять из года в год,

как непростительная злая шалость, —
все в памяти та яблоня цветет?

И вдруг подумалось — нет, ощутилось
всей кожей, всей плотью, кровью всей:
не та ли яблоня и защитила
на той, отнюдь не белой, полосе?!

* * *

Зачем, к кому —
куда б ни заглянула,
на все имеет
право
мысль моя.
Лукавая,
к глазку прильнула
души моей:
она — маяк, маяк!
А мысль,
как сплетница,
спешит повсюду
оповестить:
— Послушайте сюда!
Я ей помощницей
вовек не буду —
ей не пробраться
в тайное,
туда,
где я сама
перед листом
застыла...

Ни слова не скажу,
не напишу
о том, как это было.
Было... Было?
Да не было!
Хоть этим
и дышу.

* * *

*Любовь бывает долгою,
А жизнь — еще длинней...*

(Из песни)

«Любовь бывает долгою...» —
как это верно сказано!
Вот о себе подумаю:
я трудным шла путем.
Родня моя — за Волгою,
манит Урал алмазами...
Да в детстве буря сдунула!
Что взять с меня — дите.

Пришла пора — оплачено
за прошлое, за старое.
Всей плотью, самой кровушкой
я до сих пор плачу.
Рождественским калачиком
маню к себе паромщика,
да речка запорошена,
снег — влагой по плащу.

На берегу осталась я
не диком, не обрывистом.

На нем до срока выстоять —
в свой срок сладка и смерть.
А что с любовью сталося —
уже почти открылось мне:
была высокой, чистою —
не век же ей гореть.

Науке этой простенькой
училась я старательно
у прадеда, у матушки,
у Господа... Теперь
для новой жизни — ростепель.
Узорчатою скатеркой
сто лет на стол приладила
и — распахнула дверь!

* * *

О душах, вечно несытых,
поют в четверг на страстной.
Жизненный путь испытан,
но чувственный, тот, шестой, —
загадка. И ей не будет —
вовек не будет конца.
Среди бесконечных буден
не встретишь Лица, Лица.
А может быть, не способен
напрячь и зренье, и слух?
Я и Муза, мы — обе
не докричались слуг.
И разом взялись за скверный
чернорабочий труд.

Неблагодарный — верно:
другие громче орут.
А мы попробуем иначе:
пусть хоть кому-нибудь,
нами рожденное, — вынянчить,
наставив на Благий Путь.

* * *

Донкихотство,
смешное, странное...
Комик? Трагик?.. Как мне постичь?
Дон Кихот, овладевший странами,
произносит речь или спич?
А быть может, всего и нужен
нынче образ сей, как тренаж,
как гимнастика чувств наружных
да и внутренних...

Эпатаж?
— Вам угодно быть Дульсинеей?
Нет?.. А Феклой, а Дарьей?.. Нет?
Чья из нас половина сильнее?
Дон Кихот не дает ответ.
Как настиг нас такой никчемный,
до смешного нелепый...

— Ой!

Извиняюсь, прошу прощенья,
Дон Кихот, Вечный паж, Герой!
Быть искусству без донкихотства,
донжуанства, без «хмурых лиц»?
Фронтиспис, его слабый ответ —
двери в таинство без границ.

Содержание

* * *	Было так красиво...	6
* * *	Я верну себя из осени...	6
* * *	То, что ты не ответил...	7
* * *	Взвилось небо синим парашютом...	8
* * *	Разнолесье, разнотравье...	8
* * *	Покой ночных часов...	9
* * *	Склонитесь, феи...	9
* * *	Ах, какое утро молодое...	10
* * *	Недостаточность сердечная...	10
* * *	Радость силы духа...	11
* * *	Я, как улитка...	12
* * *	Все онемело, затаилось...	12
	Сосна	13
* * *	Ах, прелесть какая...	14
* * *	У фонаря больничного стою...	14
* * *	Как заворожена, брожу...	15
* * *	Не бойтесь, елки-палки, палки-елки...	15
* * *	Я умру в день, когда...	16
* * *	Как хорошо...	16
* * *	Осень. И капелькой крови — сережки...	16
* * *	Мои замужние глаза...	17
* * *	Хотела б стать я, как светильник...	18
* * *	Рождался внук из страхов и надежд...	19
* * *	Все дышит воздухом горним...	19
* * *	Я понимаю: легче мне вдвойне...	20
* * *	Легкая, кажется, лишь подуй...	21
* * *	Ах, как кружит поземка под солнцем...	21
* * *	Крутая, высокая радуга в небе...	22
* * *	Ниточкой простертая душа...	23
* * *	Мучительно рождается весна...	24
* * *	Доверимся счастливому мгновенью...	24
* * *	Позолотило дерево дорогу...	25
* * *	Оттаявшие звезды мне ресницы...	25
* * *	Все. Уходим...	26
* * *	В чем же сила и мудрость тогда...	27
* * *	Так больно, что готова проклинать...	27
* * *	Кто знает сердце женское...	27
* * *	Вот и высохли слезы мои...	28
* * *	Ты не забыл меня, родной...	28
	Море	29

* * *	Весь мир...	30
* * *	Дубровенка — простой ручеек...	30
* * *	Слепит так Солнце...	31
* * *	Я, как пчела, причастная к страданиям...	32
* * *	Ничего. Все обойдется, знаю...	32
* * *	Все сосны — стройные стоят...	33
* * *	Прошу пристанища...	34
* * *	Душа созревает в слезах...	35
* * *	Если в борьбе интересов и лозунгов...	35
* * *	Дух благотворен и благороден...	36
* * *	Господи! Я быть хочу с тобой...	36
* * *	Мягко и строго...	37
* * *	Выйду я в поле, почувствую: вот он...	38
* * *	Убить себя...	38
* * *	Невыносимость бытия...	39
* * *	Если заговор знать...	40
* * *	Однажды обидела бабушку внука...	40
* * *	Ночное море пело и плясало...	40
* * *	Возвращайся в родной Могилев...	41
* * *	Томление духа, томление...	42
* * *	Не быть знакомой даже за глаза...	43
* * *	Зимою снега я не допросилась...	44
* * *	Любовь не хороните...	45
* * *	Все льют дожди...	45
* * *	Словно полумертвая, бродила...	46
* * *	Не покривлю душой, ответив...	47
* * *	Туман парит над Проней...	48
* * *	На Ивана Купала...	49
* * *	Когда я узнаю себя во сне...	50
* * *	Душа моя, как тот неверный муж...	50
* * *	Лицо так похоже на пламя свечи...	51
* * *	И Бог, и Царь, и Воинский начальник...	52
* * *	Отстаю от жизни безнадежно...	52
* * *	Ненастьем загнанный в куртчонку...	53
* * *	Этот грустный мотив...	54
* * *	Я выстужена намертво зимой...	55
* * *	Воздух умер на время...	55
* * *	Слышал? Выйдут на площади...	56
* * *	Вливались шелесты в траву...	56
* * *	Нет душ родных и родственных...	57
* * *	Скоро солнце встанет там...	57
* * *	Из каких глубин убогой жизни...	57

* * *	Под горой над болотом стелился туман...	58
* * *	Между строчек той обычной книги...	58
* * *	Лебеди скользили по воде...	59
* * *	Ты не бойся. Мне тебя любить...	60
* * *	Кто с хлыстом...	60
* * *	Очарованный странник...	61
* * *	Лед тихим хрустом...	61
* * *	Темень ключьями летит в костер...	62
* * *	Ничто не одиноко и не странно...	63
* * *	Зеркало жизни моей затуманилось...	63
* * *	Сумрак становится тоньше...	64
* * *	Ищут корни стезю свою...	64
* * *	Колыбель России — Киев...	65
* * *	Я слишком поздно поняла...	65
* * *	Тени на стене...	66
* * *	Если вам давно уже не двадцать...	67
* * *	Ты что же — летать не умеешь...	67
* * *	Дождь зеленый на траву густую...	67
* * *	К счастью, молодость проходит...	68
* * *	Лес подобен ткацкому станку...	69
* * *	Зеркало мое туманное...	69
* * *	Побродить по асфальту...	70
* * *	Слов на свете много...	71
* * *	Луна, бегущая...	72
* * *	Вскипавшее на солнце серебро...	73
* * *	Над личиком ее замороженно...	74
* * *	Разрыв моей души с Небесным духом...	74
* * *	Всякое движение вперед...	75
* * *	Спустилась с неба бездна...	75
* * *	Нестойкое сияние огня...	76
* * *	Окрашены последними лучами...	76
* * *	Вечерние тени играли...	77
* * *	Таинственны туманы...	77
* * *	Как худо, видно, было бы добру...	78
* * *	В мир приходит заосень...	78
* * *	Очарование давалось древним легче...	78
* * *	— Скушай мое яблочко...	79
* * *	То, что быть должно...	80
* * *	Тогда, мне кажется...	80
	Щавлинка	81
* * *	Не стань мне, осыпь, насыпью...	82
* * *	Вот сказала — и будто легче мне...	83

* * *	На аэродром — еще в полсилы...	83
* * *	И было слово...	84
* * *	Маминого профиля и облика...	85
* * *	Распластает снег свои крылья...	85
* * *	Они мне снятся...	86
	<i>Речка</i>	86
	<i>Другу</i>	87
* * *	Там так волшебны звезды синели...	87
* * *	На небе серпик...	89
* * *	Горы горбятся...	89
	<i>Партизанка</i>	89
	<i>Рыбак</i>	90
* * *	Покой ночных часов...	90
* * *	Не любишь...	91
* * *	Освобождаю слово из груди...	91
* * *	Сидела женщина...	92
* * *	Облака в синем небе...	92
* * *	Нас разделяет некое пространство...	93
* * *	Расстелились нынче облака...	94
* * *	Освещать и освящать...	94
* * *	Словно нотный стан...	95
	<i>Дельфины</i>	96
* * *	Душа вскипает так внезапно...	96
* * *	Из-за нехватки на Земле...	97
* * *	Черные кони на пляж забрели...	97
* * *	Алый вздрог бесшумного пожара...	98
* * *	Мы прошли по этому столетию...	98
* * *	Колокольный звон...	99
* * *	В сизых тюльпанах обои...	100
* * *	Благое дело — слезы...	100
* * *	Даже тайный, казалось, изъян...	101
* * *	Час от часу — не легче...	101
* * *	Склонив свои темные лики...	102
* * *	Возможность самой невозможности...	102
* * *	Обещанием жизни веку...	103
* * *	Мне ничего не надо...	103
* * *	Прежнюю свою незагорелость...	104
* * *	Тихий теплый воздух...	104
* * *	Красноватый высокий камыш...	105
* * *	Голубым потоком по небу...	106
* * *	Жизнь поклонилась мне...	106
* * *	Древний плач монастырей безлюдных...	107

* * *	Охолонуть бы вас всех водою...	107
* * *	Безмерность слова...	108
* * *	Слышите...	108
* * *	Жили гномы под грибами...	109
* * *	Загорится закат надо мной...	110
* * *	Проживая жизнь полной мерою...	111
* * *	Краски, запахи, ажурные соборы...	112
* * *	И с цепями, и с камнями...	113
* * *	Причин разминовений и разлук...	113
* * *	Закат солнца на море...	114
* * *	Как негасимая лампадка...	115
* * *	Зачем же всуе говорить о вере...	116
* * *	Какой ты, брат...	116
* * *	С тусклым и влажным покровом тумана...	117
* * *	Недостижимость из-за скуки бытия...	118
* * *	И эти впишутся в унылый...	118
	<i>Его поэзия</i>	119
* * *	Заросла под зоной Чернобыля...	120
* * *	Когда уже знаешь о жатве...	121
* * *	Реки нехитрая излучка...	121
* * *	Чаша Озера, чаша Неба...	122
* * *	Нет правды выше верности...	122
* * *	Как в зазеркалье — самоотраженье...	123
* * *	Если б заговор знать...	123
* * *	Вот говорят: сошелся клином свет...	124
* * *	Душа во тьме горела ярко...	124
* * *	Мне грустно, а где-то — смеются...	125
* * *	Валуны там и тут на зеленой траве...	125
	<i>Аист</i>	126
* * *	Как на тихих медленных качелях...	127
* * *	Не догнать черепахе Ахилла...	127
* * *	Дорога — воплощение надежности...	128
* * *	Как упрямая кровь, что по жилам стремится...	129
* * *	Рассмеялось эхо...	129
* * *	Никак не выйти из оцепененья...	129
* * *	Все только — о своем, о наблевшем...	130
* * *	Среди березок — эта всех красивей...	130
* * *	Было так...	131
* * *	Как теплое парное молоко...	131
* * *	Ну и погодка — стынь и слякоть...	132
* * *	Пусть ящики почтовые пустуют...	132
* * *	О городе моем — пока ни слова...	133

* * *	Быть современной — это что такое...	133
* * *	Я с телефона не сводила глаз...	134
* * *	Чуждые берегам...	134
* * *	Молодая рожь цвела на взгорках...	135
* * *	О, непреложность...	135
* * *	За мелодией Глюка вдогонку...	136
* * *	Любая ветка с пушистым грузом...	136
* * *	В пыльной пыли...	137
	Моему учителю...	138
* * *	Что ты, сердце...	139
* * *	Все то, что мне казалось солнцем...	140
* * *	Мир захвачен мелкими людьми...	140
* * *	— Ах, какая же ты, какая...	141
* * *	В березовой рожице, голой и мокрой...	142
* * *	Ночь была тиха и ласкова...	142
* * *	Без любви не начнется весна...	143
* * *	Стонет ветер...	143
* * *	На то оно и сердце...	144
* * *	Если бы не птицы...	144
* * *	Хранить сознание о былом...	145
* * *	А было так заманчиво...	145
* * *	Уединение — вот слово...	146
* * *	На полурассвете застрявший день...	147
* * *	Я с вами расстаюсь, ученики...	147
* * *	Любовь, как молния...	148
	Яблоня	149
* * *	Зачем, к кому...	150
* * *	Любовь бывает долгою...	151
* * *	О душах, вечно несытых...	152
* * *	Донкихотство...	153

Литературно-художественное издание

Сайко Галина Ивановна

Небо Пресветлое

Книга стихотворений

Редактор *А. Масаренко*

Корректор *А. Голубева*

Компьютерный набор и верстка *Д. Андреев*